

АН-РИШАР
ЛОК

P32.506

„ИСКУССТВО“

ЖАН-РИШАР БЛОК

ТУЛОН

*Французская хроника в 3 действиях
(1942—1943)*

*Авторизованный перевод с французского
П. АНТОКОЛЬСКОГО
и Б. ПЕСИСА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСКУССТВ

Москва 1944 Ленинград

32506

Разр. ГУРК № 451/43 - те

Редактор *Н. Зограф*

Л34136. Подписано к печати 4/II 1944 г.
„Искусство“ № 2783, Печати, л. в.
Тираж 3000. Зак. 2159.

Цена 5 р.

Тип. „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, д. 5

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке их появления на сцене)

- Зигмунд } немецкие солдаты при
Зигфрид } штабе фон Засса.
- Вице-адмирал фон Засс — начальник морского отдела Главного штаба немецких оккупационных войск во Франции.
- Контр-адмирал Польверелли — итальянский морской атташе при морском отделе Штаба.
- Контр-адмирал Лефевр — морской атташе Виши при фон Зассе.
- Жежен — рабочий тулонского арсенала.
- Кокбер — хозяин бара в Тулоне.
- Ив — матрос.
- Патрис — рабочий арсенала.
- Жюло — матрос.
- Инспектор полиции Лавалья.
- Вице-адмирал де Фромануар — командующий тулонской эскадрой.
- Марсиаль де Фромануар — его сын, мичман французского флота.
- Контр-адмирал Базир — представитель Виши в Тулоне.
- Вице-адмирал Руа — морской префект Тулона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В штабе оккупационной армии в Париже. Кабинет немецкого адмирала, начальника морского отдела Штаба. На стене карты. Глобус.

Сцена 1-я

На сцене вестовые — Зигмунд и Зигфрид. Зигмунд — маленький, тучный, похожий на молочного поросенка. Зигфрид — длинный, худой; огромные ноги, кадык на шее сильно выпирает, в очках. В момент открытия занавеса шумная возня; оба носятся, как угорелые, по сцене, неуклюже подпрыгивая, шлепая изо всех сил друг друга по спине. У каждого в левой руке пачка денег, которою он размахивает в воздухе.

Зигмунд. Зигфрид, понимаешь ты, каких мы нынче двозчек себе организуем!

Зигфрид. И на их собственные паршивые французские деньги! Вот это так война, Зигмунд! Чудесная штука! Деньги? Бери!

Зигмунд. Женщины? Бери!

Первый спекулянт.

Второй спекулянт.

Лейтенант Никнелъ — немецкий офицер
в штабе фон Засса.

Полковник фон Грунер — офицер связи
при ставке Гитлера.

Роже Гастино — ученик лицея в Тулоне.

Камиль Тулемонд — муж г-жи Тулемонд.

Французский солдат.

Французские моряки, лицеисты, не-
мецкие солдаты.

Алиса Гиддинс.

Луиза Бастиа — работница тулонского арсе-
нала.

Леокади — жена Кокбэра.

Мари-Жанна Фромануар — дочь вице-
адмирала де Фромануара.

Девушка Жожо.

Госпожа Тулемонд — разбогатевшая ла-
вочница.

Грета

Труда

Минна

} сотрудницы Алисы Гиддинс.

Зигфрид. Гадить можешь... Беспрепятственно! Сказано — не стесняйся!

Зигмунд. Ах, Париж, Париж! Хайль, Гитлер! Побольше бы нам таких городов.

Зигфрид. Хорошо воевать в Париже. Вот, пожалуйста: пятьдесят тысяч франков! Получено у мадам французской вдовы за организацию побега ее уважаемого сына. Хайль, Гитлер!

Оба хохочут.

Голос за кулисами: «Ахтунг!» Стук каблуков, тишина.

Зигфрид (вполголоса). Ахтунг! Начальник.

Оба вытягиваются в струнку. Входит адмирал фон Засс и итальянский адмирал Польверелли.

Сцена 2-я

Те же, адмирал фон Засс, адмирал Польверелли. Немецкий адмирал — длинный, сухопарый, держится высокомерно; итальянец — жирный. Адмирал фон Засс машет рукой, вестовые делают пол-оборота и исчезают.

Польверелли. Да, крайне неприятно, крайне неприятно, мой друг.

Засс. Особенно для вас, итальянцев, дорогой мой. (Указывая ему на кре-

сло, сам садится за стол; во время разговора с пренебрежительным видом занимается своими ногтями.)

Польверелли (услышав замечание Засса, вскакивает, но тут же успокаивается). Я полагаю, что высадка англо-американцев в Алжире и Марокко не менее неприятна Германии, чем нам, итальянцам.

Засс (невозмутимо). Наше пространство, видите ли, наше немецкое пространство не втиснуто все без остатка в известную вам жалкую лужу, именуемую Средиземным морем.

Польверелли (устраиваясь поудобней в кресле). Не потому ли прославленный немецкий шпионаж, которому завидует весь мир, не потому ли он провалился самым непростительным образом, а мы с вами попались, как мальчишки?

Засс (как будто не слыша). Средиземное море — это ваш театр. Ничего не поделаешь!.. (Напевает.) Мандарины, мандолины...

Польверелли (позеленел от злобы). Фельдмаршал Роммель в Эль-Ала-

мейне, кажется, достаточно ясно показал нам, что Средиземное море не принадлежит к приятным для немцев уголкам земли... Разве что для ускоренных маршей в обратном направлении! В этих операциях фельдмаршал показал себя истинным чемпионом.

Засс (все так же небрежно). Гм, гм. Роммель, в сущности, только повторил, впрочем, в меньших масштабах, бессмертный маневр... незабываемое движение вспять вашего генерала Грациани в прошлом году.

Польверелли хочет возразить, Засс любезно прерывает его, протягивая открытый ящик с сигар~~ами~~и.

Но, дорогой мой, отвлечемся на минуту от операций на суше. Разрешите задать вам один вопрос?

Польверелли (закуривая сигару, сладким голосом). Прошу вас.

Засс. Ваше правительство в Риме своевременно было осведомлено о концентрации в Гибралтаре огромных англо-американских сил в сопровождении мощного конвоя. Чем объяснить, что ваш великолепный флот не покинул своих стоянок? Разве не представлялся тут прекрасный

случай, неожиданный случай для ваших экипажей — вновь войти во вкус боевой жизни на широких морских просторах?

Польверелли (снова зеленея от злости). Наш великолепный флот, как вы выразились, дорого заплатил за ошибки вашего верховного командования.

Засс (насмешливо и холодно, стараясь скрыть злобу). Продолжайте, продолжайте, это интересно.

Польверелли. В тысяча девятьсот сороковом году Италия, основываясь на германских заверениях, вступила, приняв сторону Германии, в короткую войну.

Фон Засс склоняется к столу с чуть заметной усмешкой, в которой ясно чувствуется коварство. Польверелли слегка повышает голос.

Вы спросите, почему в короткую? Потому, что Италия — несчастная страна, у которой береговая линия вытянута бог знает как (показывает на карту)... под ударом с любой стороны. Отечественного сырья никакого. Пролетарская нация, как говорит наш дуче. Следовательно, страна, не могущая вести длительную войну. И вот, оказалось, что в силу некоторых обстоятельств... обстоя-

тельство неожиданных (он наслаждается этим беспощадным словом), которые назывались сначала Лондоном, потом Москвой (подходя вдруг к карте, указывает названное), знаменитая молния, твердо нам обещанная, превратилась в сальный огарок. И вот плоды этих двух долгих лет: флот Италии тяжело ранен, господин адмирал. Флот Италии, залечивает раны в своих гаванях. А вы удивляетесь... (в бешенстве) вы ждете от нас энергичных усилий? Прекрасно. Существует одно только средство. Вы сами знаете, какое. Оно называется — Тулон. (Многозначительно поднимает палец.) Оно называется французский флот. Семьдесят два корабля! «Страсбург», «Дюнкерк»! Лучший из европейских флотов! Стоит Италии получить французский флот, и вся обстановка в Средиземном море резко меняется в нашу пользу. (Возвращается к столу и садится.) Другого ключа нет. Тулон, Тулон и только Тулон.

Засс (который внимательно следил за ним своими бесцветными, как у ночных хищников,

глазами, встает и тоже направляется к карте Франции). Завтра, одиннадцатого ноября, на рассвете, германские бронечасты переходят демаркационную линию, занимают неоккупированную зону Франции и, подавляя, если это окажется нужным, любую попытку сопротивления, движутся ускоренным темпом в направлении средиземноморского побережья. В тот же час итальянские части перейдут Альпы и займут Ниццу, Савойю.

Польверелли (в волнении встает).
Мадонна! Пречистая мать божья! Какое известие! Какая радость! Дорогой друг! Завтра выезжаем вместе, в четверг — мы в Тулоне.

Засс (ледяным голосом). Тулон не будет оккупирован.

Польверелли (в изумлении). Как? Что вы говорите? Тулон...

Засс. Тулон — единственный город, не подлежащий оккупации.

Польверелли (задыхаясь). Не подлежащий оккупации? А флот?

Засс. Также не подлежит.

Польверелли (хватается обеими руками за голову). Мне кажется, я

схожу с ума... Или, может быть... Мадонна, пречистая мать божья!.. Если бы не вы сами... я бы просто не поверил. Тулон не подлежит... Но в таком случае, зачем все это?

Засс. Послушайте, господин Польверелли, попробуйте успокоиться и понять. Какова наша общая цель? Французский флот. Не так ли? А если поспешность приведет к тому, что суда улизнут?

Польверелли. Но достаточно заминировать проходы...

Засс (пожимая плечами). Нам нужен флот целый и невредимый. Избежать сопротивления. Избежать политических осложнений. Однако, как вы знаете, настроение на судах отвратительное. Французы остаются французами, как бы они себя ни называли: республиканцы... демократы... антифашисты. Рабочие тулонского арсенала, да будет вам известно, послали в парламент коммуниста. Старинный город, полный узких улочек, очень удобный для партизан. Конечно, офицеры — другое дело: не могут же они быть заодно с этой бандой. Среди них есть люди благоразумные... Но их меньшинство. Что касается остальных... это

дурачье все еще продолжает верить в будущее Франции. Вот почему Лаваль попросил дать ему небольшой срок, чтобы воздействовать на колеблющихся, сломить непокорных, перетряхнуть состав судов, обработать рабочих арсенала. Мы посылаем туда в помощь господину Лавалю лучших людей гестапо. Мы пускаем в ход все рычаги. (Не переставая говорить, нажимает кнопку звонка.)

Входит Зигмунд, вытягивается в струнку.
Попросите сюда даму!

Зигмунд поворачивается на каблуках и уходит.

Польверелли (обезоруженный).
Блестяще! Блестяще!

Засс (презрительно). Теперь вы согласны, господин Польверелли?

В маленькой боковой двери появляется Алиса.

Сцена 3-я

Алиса — очень красивая, молодая, стройная; готовая улыбка на губах, элегантно. Безукоризненный вкус. Польверелли, пораженный ее внешностью, стремительно встает.

Засс (представляя ее Польверелли). Мадам Алиса Гиддинс. Вполне английское имя, вполне французская внешность, что не мешает госпоже Гиддинс быть жительницей Шарлоттенбурга и одной из ценнейших наших сотрудниц. Госпожа Гиддинс не просто очаровательная особа, как вы, очевидно, сумели заметить, господин адмирал. Госпожа Гиддинс — начальник, под ее началом состоит отряд красивых и исполнительных девушек. Разных девушек: от девочек из кабаков до танцовщиц, с которыми никто не откажется поужинать в ночном ресторане. На любой вкус: для матросов, для адмиралов. (Приподнятым тоном.) Нет, завтра в Тулон едете не вы, господин адмирал, и даже не я. Завтра едет мадам Алиса со своим персоналом. И, поверьте мне, господин адмирал, так будет лучше. Там прольется не мало коньяку и шампанского, но зато сохранится немало немецкой крови. И даже итальянской. За это отвечает мадам Алиса.

Он отпускает ее жестом. Алиса улыбается, кланяется и уходит. Польверелли остолбенел.

Звонок телефона. Засс берет трубку.

Сцена 4-я

Те же без Алясы.

Засс (в трубку). Адмирал фон Засс у телефона. Да, сейчас же! (Кладет трубку.) Здесь французский морской атташе — адмирал Лефевр. По моему вызову. Надо ведь и поразвлечься. (Провожает Польверелли к двери.) Как видите, фюрер умеет молниеносно восстанавливать положение. Позавчера союзники высадились в Алжире, завтра мы их опередим в Тунисе и Бизерте. Послезавтра наши войска овладеют средиземноморским побережьем Франции. Отныне время работает на нас. На русском фронте положение блестящее. Через неделю генерал фон Клейст — хозяин Грозного и грозненской нефти. На Рождестве мы в Баку. Мой старый друг фон Паулюс спокойно заканчивает Сталинградскую операцию — последние форты переходят в его руки. Он настоящий асс, фон Паулюс, гений, гордость и надежда германской армии. А его штаб! Плеяда первоклассных генералов, светила немецкого военного искусства Шлеммер, Зейдлиц, Пфедфер, фон Даниэль, фон Дреб-

бер... все из стаи непобедимых. Волга в наших руках. Большевики перестали существовать. Победа наша. (Все это сказано ледяным и напыщенным тоном.)

Польверелли (с энтузиазмом).
Хайль Гитлер, господин адмирал!

Засс (снисходительно). Хайль Гитлер, мой друг.

Польверелли уходит.

Сцена 5-я

Засс, Лефевр.

Засс звонит. Зигмунд через третью дверь вводит Лефевра и исчезает. Лефевр — красивый мужчина, довольно полный, сдержанный. Военная выправка. Одет в гражданский костюм темного, почти черного цвета.

Засс (официально вежлив, указывает Лефевру на кресло, на котором только что сидел Польверелли, сам садится за стол). Господин адмирал!.. Как вы себя чувствуете? Надеюсь, хорошо.

Лефевр молча наклоняет голову.

Я позволил себе побеспокоить вас, чтобы сделать вам одно сообщение, могущее вас заинтересовать. Разумеется, при усло-

вии сохранения полной тайны. Завтра, одиннадцатого ноября, на рассвете, германские войска перейдут демаркационную линию, направляясь к средиземноморскому побережью.

Лефевр, потрясенный, медленно поднимается.

32506
Захват врагом французской Северной Африки и недостаточность ответных мер Виши в связи с этим посягательством на французскую империю заставляют германские вооруженные силы взять Францию под свое покровительство. Вы, кажется, удивлены?

Лефевр (с трудом переводит дыхание). Мое удивление вас удивляет, господин адмирал?.. А что побудило вас оказать мне эту честь... сообщить столь прискорбное известие?

Засс. Что побудило? Французский флот. (Почти любезным тоном.) Господин адмирал, Франция будет оккупирована вся, но не Тулон.

Лефевр вздрагивает, кровь бросается ему в лицо.

Все военное имущество вашей сухопутной армии будет передано Германии, но

не флот и не арсенал Тулона. (Как кошка с мышью.) Кажется, и эта новость вас взволновала?

Лефевр (глухим голосом). Я моряк... И, кроме того... Я ищу и не нахожу объяснения.

Засс. Не ищите ни слишком долго, ни слишком далеко. В этом решении фюрера нет ничего романтического. Германия и Италия не могут больше мириться с нынешним положением, когда столь важная боевая сила, как французский флот, остается вне жестокой борьбы, которую мы ведем... Нельзя быть нейтральным перед лицом преступления. Маршал Петэн и Лаваль во всеуслышание признали миссию Германии, как защитницы цивилизации от большевизма и его союзников. Ныне противник вторгся в пределы вашей империи. Отсюда он угрожает европейской крепости. Он должен быть изгнан из французских владений. В этой кампании мы берем на себя все сухопутные и воздушные операции. Но наш флот занят на другом театре, что же касается флота наших доблестных итальянских союзников (с кислой улыбкой), то мы с вами хорошо знаем, чего

он стоит. Франция должна... я хочу сказать, само Провидение посылает Франции случай перейти от слов к делу, как раз там, где это осталось в ее силах: на море. Тулон не будет оккупирован, если мы убедимся в разумном патриотизме руководителей вашего флота. (Меня гон.) Вице-адмирал Фромануар, кажется, в настоящее время в Тулоне?

Лефевр делает утвердительный знак.

Каково его настроение... в политическом смысле?

Лефевр. Адмирал Фромануар верил и верит в судьбу Франции.

Засс (иронический кивок). Его авторитет во флоте?

Лефевр. Он пользуется уважением как моряк, как начальник и как христианин.

Засс. Какая бездна добродетелей! (Вдруг сухо и властно.) Так вот. Если адмирал Фромануар сумеет убедить своих офицеров в необходимости сражаться на нашей стороне, под нашим командованием, бок-о-бок с нашими офицерами, которые должны быть допущены на борт всех судов Тулонской эс-

кадры, если адмирал поступит так, Франция может сохранить свой флот. Если нет... (Прерывает свою речь.)

Лефевр. Если нет?

Засс (ледяным тоном). Подобная ситуация означала бы отказ от сотрудничества, иначе говоря, измену. Из этого мы сделаем все выводы.

Лефевр. Какие?

Засс (вне себя). Значит, вы уже заранее допускаете возможность отказа?

Лефевр (холодно). Моя миссия здесь, в Париже, чисто информационного порядка.

Засс. Нет, сударь, Ваша миссия — не информация, а сотрудничество.

Лефевр (сдерживаясь). Я остаюсь в пределах своей чисто технической роли. Напомню, что перемирие тысяча девятьсот сорокового года исключило вопрос о флоте из соответствующих параграфов.

Засс (резко). О флоте и о судьбе вашей империи. Вы отдали вашу империю во власть врагу. Это полностью меняет положение с точки зрения геополитики. (Подчеркивает эти слова с педантической напыщенностью.)

Лефевр. Я здесь не для того, чтобы заниматься геополитикой.

Засс. Вы здесь для того, господин адмирал, чтобы повиноваться вашему правительству и мне. От имени Виши и от своего собственного приказывают не теряя ни минуты, принять все меры к тому, чтобы военноморские силы Франции, как можно скорее, возобновили борьбу на стороне Германии.

Лефевр (растерянно). Могу лишь повторить, что подобные действия выходили бы за рамки данных мне инструкций. Мои начальники не поруча...

Засс (вскипев). Но кто же они, ваши настоящие начальники, господин адмирал? Если уж вы так строго придерживаетесь дисциплины, то почему не сообразуете своих действий с поведением своих начальников? Они-то поняли, что означает закон поражения!

Лефевр' (возмущенный). Господин адмирал. Франция еще не...

Засс (обрывая его). Франция (желая уязвить его), если уж говорить о Франции, Франция должна остерегаться и не отступать от линии, которую начертал для нее господин Лаваль.

Лефевр (твердо). Я верно служу маршалу Петэну и проводимой им политике.

Засс (в бешенстве). Я говорю вам — французское правительство, вы мне отвечаете — Франция. Я говорю вам — Лаваль, вы мне отвечаете — Петэн. Не пора ли кончить эту болтовню? Уловки, достойные детей, которые хитрят, чтобы избежать наказания. Неужели вы думаете, что от нас ускользает смысл вашей игры? Лавировать, чтобы выиграть время. Так ведь? Ваш флот — ваш последний козырь. И вы, в простоте сердца, воображаете, что сохраните его до самого открытия мирной конференции, а там вы блеснете своими заслугами перед победителем — кто бы он ни был. «Мы, — скажете вы, — помогли побить побежденного». Впрочем, на этот раз обойдется без мирной конференции. (Иронически.) Конференция... Между кем и кем. позвольте вас спросить, произойдет встреча? К концу этой войны останутся только мертвецы и те, кому удастся выжить... Выживет Германия и никто другой. Франция должна выбирать: или безоговорочно присоединиться

к новой Европе или исчезнуть. У вас еще есть время выбрать... между этими двумя флагами (стоя в глубине комнаты, он отдергивает занавеску, скрывающую часть стены.)

Глазам зрителей предстает широкая рама, и в ней макеты двух военноморских флагов: один—военноморской флаг гитлеровской Германии, другой— тот же германский флаг, но в правом верхнем углу его, в квадрате, изображены национальные цвета Франции.

Если вы хотите сохранить вот это (указывает на маленький квадрат с французским флагом), — вы должны принять вот это (указывает на основное поле второго флага.) ...Пока еще не поздно. Если же нет — останется вот что (указывает на первый германский флаг.) И ничего больше.

Лефевр (он овладел собой и рассматривает в лорнет оба макета). Чудесно! Настоящее произведение искусства. Откровенность за откровенность, господин адмирал. Если Германия торгуется, значит, она нуждается в нас, Франция...

Засс (взрывается; истериче-ский вой). Хватит! Говорю вам — хватит! Если вы так любите величественные позы, — следовало подумать об этом раньше. Когда у вас было в руках оружие. Теперь слишком поздно. Теперь надо ползать. И вы до сих пор еще не поняли, что такое война на истребление? Где Австрия? Исчезла! Чехословакия? Исчезла! Польша? Исчезла! (Стоит у географической карты и одну за другой прихлопывает эти страны ладонью, как мух.)

Лефевр холодно, почти вызывающе следит за жестикуляцией Засса, как человек, который наблюдает забавное зрелище.

Дания исчезла! Норвегия исчезла! Бельгия исчезла! Россия на пути к исчезновению! (С ненавистью.) И Франция тоже исчезнет. Последние обломки этой шутовской страны превращаются в пыль под сапогами наших солдат. Вы исчезнете с лица земли. Как Лидице. Требуется земля, только земля — без людей... «Новая Европа!» Шикарная вывеска! Пусть любят! Европа! — Простая замена

другого, истинно великого слова: «Германия». Замена для дураков... Колесо повернулось.

Занавес падает, но в рупоре продолжает раздаваться завывание фон Засса все время, пока меняют декорацию.

Завтра одиннадцатое ноября,— недурной юбилей! Завтра исполняется двадцать четыре года с того дня, как Франция, обескровленная, полумертвая, все-таки собралась с силами и посмела подвергнуть Германию величайшему унижению... одиннадцатого ноября тысяча девятьсот восемнадцатого года. Все это в прошлом. Завтра наши бронированные части наступят гусеницами своих танков на виноградники Романьи и розовые кусты Лазоревого берега. Наш позор одиннадцатого ноября тысяча девятьсот восемнадцатого года будет смыт вашим позором одиннадцатого ноября тысяча девятьсот сорок второго года. На этот раз, после этого удара, вы останетесь распростертыми на земле, ваше потомство не увидит ни детей, ни внуков. Мы двинули против вас самых верных своих союзников: голод, холод, бациллу Коха. Фран-

цузские плотники разучились делать колыбели и сколачивают только гробы. Мы отделяем мужа от жены, жениха от невесты. Мы разрушили ваши семейные очаги. Один миллион двести пятьдесят тысяч молодых французов медленно гибнут в лагерях для военнопленных. Еще полмиллиона скоро подохнут на наших заводах под бомбами, а полмиллиона уже гниют в могилах. Все, что станет поперек дороги немцу, должно быть безжалостно раздавлено. Все, что не Германия, должно исчезнуть. Лозунг новой Германии: уничтожение!

Голос утихает по мере того, как поднимается занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Матросский бар в Тулоне. На стене, среди реклам аперитивов и ликеров, портрет маршала Петэна в рамке, казенный портрет, повешенный здесь по предписанию свыше, рядом — карта Средиземноморья и большой календарь, на котором дата одиннадцатое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. В окна, сквозь чисто вымытые стекла, наполовину скрытые белыми занавесками, видна Кронштадтская набережная в Тулоне — оживленное движение, порт, боль-

шие застывшие в неподвижности молчаливые корпуса военных кораблей тесно прижались друг к другу... Все в баре оверкает чистотой. Из радиорепродуктора звучит тихая музыка.

Утро.

Сцена 1-я

Кокбэр, Леокади, Жежен, Патрис,
Луиза, Ив.

За стойкой хозяин бара Кокбэр перемывает стаканы. Полный, представительный, засученные рукава рубашки открывают сильные, толстые, волосатые руки, такая же обильная растительность на груди. Перед ним Жежен, стоя допивает, как обычно, свой утренний кофе. У стойки — Леокади, хозяйка, такая же представительная, как супруг, вяжет чулок. Очки в железной оправе. В глубине комнаты за столиком — Ив — матрос, Патрис — рабочий арсенала, Луиза — работница. Патрис и Ив углубились в чтение газеты. Читает и Луиза — через плечо Патриса. Горячий спор. Марсельский акцент, особенно ярко выраженный у Кокбэра, Леокади и Жежена, немного мягче звучит в речи Луизы и Патриса и совсем не слышен у Ива. Он — бретонец.

Жежен (коренастый, крепкий, стучит кулаком по цинковой обивке стойки). Нет! Франция не исчезнет! Не так это просто — уничтожить

великий народ, полный сил, мужества. Так он вам и дался!

Кокбэр (добродушно). Кого это ты?

Жежен. Ты что, ослеп? Протри очки, видней будет. Будто ты не знаешь, кто распоряжается нашей несчастной Францией. Не знаешь всех этих душегубов, все это воронье. Одно слово — падаль. И имена у них подходящие: Лаваль — шваль, Петэн — хрен, а Гитлер — известно. г!..

Кокбэр (испуганно). Может, хватит?

Леокади. Слушай, Жежен, можешь ты быть благоразумным раз в жизни? Ведь если они возьмут под подозрение наш дом вам тут всем не поздоровится.

Жежен. Есть, хозяйка. Не бойтесь. Жежен вас не подведет. Тут ведь все свой. Посторонних вшей не имеется. Вы лучше скажите. — знаете, что передавали по радио? — Касабланка. Рабат. Оран сдались союзникам. Бизерта захвачена американскими парашютистами.

Ив (из глубины комнаты, радостно). Бизерта занята союзниками? Кто это тебе сказал — насчет Бизерты?

Жежен. Радио.

Ив. Ты сам слышал?

Жежен. Нет, Жюло слышал, помощник корабельного радиста с «Дельфина». Он мне и сказал.

Все взгляды обращаются к карте, к которой направляется Патрис. Он всматривается в карту, показывая пальцем Бизерту.

Патрис. Если это правда, было бы здорово!

Жежен. Ребята, это значит, — скоро они высадятся в нашем солнечном Провансе: Джон Буль и янки, вместе, под ручку. Слышал, что они говорят по радио? — у них, у каждого солдата — две винтовки: одна для себя, другая для нас.

Входит Жюло, матрос.

Сцена 2-я

Те же и Жюло.

Жюло. Привет компании!

Кокбэр. А вот он сам, собственной персоной, твой Жюло.

Ив. Правда, Жюло, что ты слышал по радио насчет союзных парашютистов в Бизерте?

Жюло (взволнованно). Вот новость... Здорово... Нет, ничего не знал... Кто вам сказал? (Хозяину.) Стаканчик, пожалуйста. (Здоровается с Леокади, прикладывая руку к берегу и подмигивая ей.)

Ив. Жежен сказал. Ну, и шутник!

Патрис возвращается к своему столику.

Жежен (ничуть не смутившись). Ну, и что ж! Если не Жюло говорил, значит, я напутал. Но это не меняет дела, потому что американцы, они тоже не промах. Они не потерпят, чтоб боши с макаронщиками блаженствовали в Тунисе под самым носом у союзников.

Кокбэр (наливает в стакан белого вина для Жюло; к Жежену). Говорят тебе, потише.

Луиза (встает и направляется к Жежену). Послушай, Жежен, ты хороший парень и настоящий товарищ. Но только зачем ты распространяешь слухи, просто так, для собственного удовольствия? Если тебя не знать, можно бог знает что подумать.

Жежен. Не расстраивайся, Лулу. Ты хорошая девушка и красавица, лучше не

надо, но только напрасно ты всегда права. Если женщина всегда правильно рассуждает, это ей ни к чему. Рассуждение сушит красоту. Не женственно!

Луиза (с негодованием отодвигнувшись от него). Стыдно слушать! Это говорит рабочий. Удивляюсь еще, как это ты не у них, не у Лавалья с бошами. Ты повторяешь их слова.

Леокади (сохраняя спокойствие). Тише, детки, не так громко.

Жежен (весело). Эх, Лулу, подожди! Пожалеешь ты о своих словах.

Ив (из глубины комнаты). Что это? Угроза?

Жежен. Я сказал, что она пожалеет: потому что у нее есть сердце, и потому, что в тот день, когда она поймет, что я вовсе не такой, мадемуазель Лулу захочет взять свои слова обратно. Но будет уже поздно. (Замогильным голосом.) Я буду мертв.

Луиза (смеясь против воли). Ты думаешь, я так сразу и заплачу? От слов не умирают.

Жежен. Слушай, Луиза: ты правильно меня упрекнула. Но если язык у меня слишком разошелся, то это потому, что

руки томятся от бездействия. Да будь я моряк, не стал бы я тут посиживать за стаканчиком в берлоге вот этого отравителя рабочего класса. (Кивает на Кокбэра. Леокади.) Не обижайтесь, хозяйка... Слушайте, моряки! Чего же вы ждете, когда собираетесь вы зашевелиться? Каждое утро встаешь с надеждой: вот выйду и увижу — нет кораблей, ушли... Подумать только — уже три дня, как союзники высадились в Алжире, а наш флот, наша сила и гордость, все еще спит на Тулонском рейде. (Стучит кулаком по стойке.) Скажите мне: наш флот это или он чужой?

Жюло (у стойки). Насчет своего языка это ты верно сказал, Жежен. Он у тебя на-славу, не то, что мозги... иначе не стал бы ты пороть такой вздор.

Ив (Жежену). Будто ты не знаешь, сколько в этих штабах всякой гнили, шкурников... попробуй, ухватись. Эти господа либо за Гитлера, либо уж наверняка за Петэна.

Жюло. Одним словом, — кто не подлец, тот болван.

Жежен. А я считаю: все это отговорки от лени. Болвану нужно вправить моз-

ги, а подлѣцу дать по рукам. И раз на свете болванов все-таки больше, чем подлецов, ваше дело взять в работу почтенных старцев из капитанских кают.

Патрис (из глубины комнаты). В этом, Жежен, пожалуй, прав. Вот что я скажу, ребята. (Встает и подходит к группе.) Сегодня ночью приехал я из деревни — у меня там дед скончался. Хоронил его. Пришлось беседовать с разумными людьми, и у себя на родине, и в поезде, всюду... Народ не понимает, почему моряки дремлют. Всюду идет об этом разговор. Конечно, они не знают всех трудностей. Но в одном они правы: флот — это последнее, что осталось у Франции.

Леокади. Подведете вы своими разговорами.

Жежен. Не расстраивайся, хозяйка, мы тебе в тюрьму бутылочку принесем.

Жюло. Видишь ли, Патрис. Выступить нам раньше времени — это значит драться с офицерами. А подраться с офицерами — это снова расколоть страну, распылить силы.

Ив. Вот мы и зашли в тупик.

Жежен. Я лично, когда попадаю в ту-

пик, то прежде всего думаю: Жежен, ты, значит, пошел не той дорогой.

Жюло. Легко говорить. А что бы ты стал делать на нашем месте, товарищ главный докладчик?

Патрис. Не будем толковать о том, что можно было бы сделать. Посмотрим, что можно сделать сейчас. Можете вы сколотить организацию?

Ив. Удалось установить кое-какие связи с офицерами, но из молодых.

Патрис. Нет ли среди них Фромануара, сына адмирала?

Ив. Есть.

Патрис. Вот видите. К одному замку у нас ключ уже подобран.

Ив. Это не так-то скоро делается. Знаешь ты наших стариков — они тяжелы на подъем.

Жежен (Кокбэру). Слушай, хозяин! Не мог бы ты на минутку свернуть шею своей птичке, вот этой? (Указывает на радио.)

Кокбэр (бросает взгляд на часы). Разве не будем слушать последние известия?

Жежен. А скоро?

Кокбэр. Да сейчас.

Луиза (в сильном волнении). Я согласна с Жеженом и Патрисом. Красная армия под Сталинградом самоотверженно борется ради спасения всех нас, а мы тут прохлаждаемся, а потом жалуемся... Если бы русские и англичане так рассуждали, все давно пошло бы прахом.

Жюло (с иронией). Сильно сказано, красавица! А что вы предлагаете?

Леокади. Молодец, Луиза! Золотые слова!

Патрис. По-моему, нет у нас настоящей связи между моряками и населением.

Луиза. Это верно. Мы сами во многом виноваты. Слабо мы вам помогаем.

Жежен. Молодчина, Лулу!

Патрис. Толково! Если бы мы создали в городе надежную организацию, скажем, комитеты национального единства, чтобы они проникали всюду, и в верхи тоже, тогда было бы кому поговорить с вашими старичками,— из их же лагеря нашлись бы люди.

Ив. Это уже дельно.

Кокбэр. Последние известия. (Поворачивает рычажок на радиоприемнике.)

Голос по радио. Шесть часов, ровно. Слушайте третий выпуск нашей дневной информации. Виши, одиннадцатое ноября. Сегодня утром моторизованные части германской армии перешли в ряде пунктов демаркационную линию. Войска движутся в направлении Средиземноморского побережья...

Жежен. Та-а-ак... Слушайте, слушайте.

Все потрясены, теснятся у радиоприемника. Кто-то от неожиданности тихо свистнул. Слышно взволнованное дыхание.

Радио. ...Сегодня утром фельдмаршал фон Рундштедт в сопровождении своих офицеров посетил резиденцию маршала Петэна в Виши, где он вручил маршалу личное послание фюрера...

Движение, взрыв негодования, крики.

Голоса. Сволочи...

— Лаваль...

— Это дело его рук...

— И эта падаль Петэн... Старая гадина...

— Снюхались, все снюхались. Недолго они прикидывались...

Луиза (со слезами в голосе). Подлецы! Продали Францию. Растащили,

теперь уж всю, до последнего куска. (Кричит.) А Тулон? Что будет с Тулоном? А флот?

Ив. Флот — разрази их громом!

Жюло. За дело, ребята! Довольно спать!

Они бегут к вешалке, хватают кепки и бушлаты.

Радио (громче). В последнюю минуту!

Все застывают в неподвижности, снова повернувшись к радиоприемнику. Дверь бара беззвучно открывается. Входит инспектор полиции в штатском платье, незамеченный никем, кроме Леокади, которая поднимается и идет ему навстречу. Молчание.

Сцена 3-я

Те же и инспектор полиции.

Радио. Слушайте последние телеграммы: сегодня утром военные силы страны, переброшенные на самолетах и снабженные легкими танками, заняли аэродромы Туниса и Бизерты. Уничтожено значительное скопление слабо вооруженных французских частей, пытавшихся оказать сопротивление...

Жежен. Разрази их гром! Сукины дети! Какой кабак!

Смятение, шум, как в предыдущей сцене. Кокбэр делает чуть заметное движение бровями, потом тихо, предостерегающе свистнул. Все поворачиваются, замечают инспектора, — он успел молча пройти к столу и уселся на переднем плане, почти спиной к зрителям. Газета в его руках скрывает его лицо от всех присутствующих. Он как будто весь погрузился в чтение. Все сразу замолкает. В этом, уже ничем не нарушаемом молчании, гости исчезают один за другим. Каждый перед уходом расплачивается с хозяином. Все это — почти бесшумно, кажется, что монеты, которые они суют в руку Кокбэру, сделаны из картона или войлока.

Занавес

Пока опускается занавес, слышны тревожные гудки с моря, они передаются от корабля к кораблю. Слышен топот десятков ног, это торопятся, бегут куда-то люди; матросы толпами устремляются к своим кораблям; мостки звенят у них под ногами. Пронзительный голос радио время от времени повторяет известие о том, что бронечасты гитлеровцев перешли демаркационную линию. Шелест опускаемых штор, со стуком затворяются ставни окон. Слышен старческий, плачущий голос. Вдалеке голос женщины, пронзительный и полный отчаяния, зовет ребенка. Снова гудки. И снова радио. И совсем издалека, как шумное, неровное дыхание, доносятся об-

рывки песен—«Марсельезы», «На Самбре и Маасе». Другой, более четкий ритм: это шагает через сцену морская пехота, проходят полицейские патрули. И новые звуки: матросы садятся в шлюпки, через минуту они выйдут на рейд, чтобы присоединиться к стоящим там кораблям.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена 1-я

Рабочий кабинет в каюте адмирала де Фромануара на борту французского броненосца, стоящего на Тулонском рейде. Яркое солнце вливается в раскрытый иллюминатор. На стене: портрет маршала, карта Франции, три фотографии: покойной жены адмирала, его дочери Мари-Жанны, его сына Марсиаля. И распятие.

Адмирал один. Радио твердит ему уже известное зрителю ужасное известие. Фромануар—рослый, статный, строгие черты лица. Он стоит неподвижно у рабочего стола, напряженно вслушивается в то, что говорит голос по радио. Лицо выражает отчаяние. Он открывает ящик стола, вынимает оттуда два запечатанных конверта и кладет их на этажерку, на видном месте. Снимает со стены портрет жены, прикасается к нему губами, вешает на место; затем идет к столу, открывает другой ящик, достает оттуда револьвер, смотрит на портрет маршала, на карту Франции; закрывает лицо руками.

Сцена 2-я

За спиной адмирала бесшумно открывается дверь. Мари-Жанна останавливается на пороге и замирает, устремив глаза на отца. Мари-Жанна — красивая, двадцатилетняя девушка, в форме сестры милосердия. Высокая, тонкая, правильные черты лица; очень хороши глаза. Фромануар не замечает ее.

Мари-Жанна (почти беззвучно).
Папа!

Фромануар резким движением поворачивается, пытаясь прикрыть рукой револьвер.

(Продолжая стоять неподвижно, со всей страстью любви, горя.) Папа, папа! И вы говорили, что вы верующий!

Фромануар (растерян, в отчаянии, душевная боль слышится в голосе, который звучит почти как стон). Мари-Жанна!.. Мари-Жанна!..

Мари-Жанна (пробует улыбнуться). Бедная Мари-Жанна... Вот уж чего она не ожидала...

Фромануар (не слышит ее слов). Я верю, бог простит меня. И ты, ты тоже прости... Слышала? (Жест в сторону радиоприемника.) Страшное изве-

стие! (Останавливается перед картой Франции.) Моя родина! Великая, прекрасная страна, такая любимая. Значит, мне суждено увидеть самое страшное: последний день Франции, последний день Родины!

Мари-Жанна (крик негодования).
Что вы говорите? Отец!

Фромануар (легкой, быстрой походкой ведет ее к карте). Посмотри, как она хороша, наша Франция! Какое благородство рисунка! Какая чистота линий! Сколько изящества в ее силе! (Срывающимся от слез голосом.) Все погибло. Нет, нет. Этого нельзя пережить. Ему (указывает на портрет маршала) удалось спасти кусок родной земли. Из этого драгоценного зерна могла вновь подняться Франция. А ныне прусский вихрь развеял священные семена Франции. Все, что еще сохранилось от родины, зачеркнуто на карте. Двадцать веков величия и чести выдраны из летописи Франции. И враг, враг, пришедший на нашу землю, уже здесь в эту минуту. Я все перенес, все, но это — нет!

Мари-Жанна (делает быстрое

движение, револьвер уже у нее в руках). Так. Прежде всего, не будем оставлять таких игрушек в руках неуравновешенных пациентов.

Револьвер летит в открытый иллюминатор.

Фромануар (пытается удержать ее руку, потом громко, сердито). Мари-Жанна! Что ты делаешь?

Мари-Жанна (спокойно). Выполняю свой долг. Ты забыл, что я — сестра милосердия. А теперь поговорим. Итак, отец, вы решили дезертировать?

Фромануар (после тяжелого молчания). Как могла ты подумать, Мари-Жанна? (С горечью.) Я ничего не покидаю, ибо ничего не осталось...

Мари-Жанна (с нежностью). Как могла я подумать? А вы, отец, как вы могли... Вы любуетесь прекрасной Францией. Франция — произведение искусства... Совершенное, вечное... Столь хрупкое, что нельзя прикоснуться. Так что ли? (С горечью.) Прекрасная картина, но только неполная... Вы забыли...

Фромануар (растерянный, он почти не слушает ее.) Что я забыл?

Мари-Жанна. Нас, французов. Только и всего.

Фромануар. Не я о них забыл. Они забыли Францию. Забыли самих себя.

Мари-Жанна. Пусть так. Но разве не ваш долг помочь нам подняться. А вы нас топчете.

Фромануар. Им этого не нужно. Им ничего не нужно. Они согласны жить так. На коленях.

Мари-Жанна (сдерживая гнев). Что вы знаете о них? Кто вам дал право? И это вы, французский адмирал, мой отец?.. Вы... (тише) говорите, как враг.

Фромануар (безнадежно). Я вижу то, что вижу.

Мари-Жанна (стремительно). Что же вы видите? Скажите мне! Я принадлежу к тем миллионам, которых вы презираете и обрекли на гибель.

Фромануар. Они сами презирают себя, сами идут к гибели.

Мари-Жанна. Я принадлежу к людям, которые не хотят быть музейной редкостью, игрушкой, восковыми фигурками, которыми вы любуетесь. Какая нелепость!

Фромануар. Ну, что ж, пусть они докажут, что я не прав.

Мари-Жанна. Вы сами становитесь им на пути.

Фромануар. Я?

Мари-Жанна. Да, вы отнимаете у них оружие и прежде всего флот. Но не только оружие. Вы лишаете их вашей любви, вашего доверия.

Фромануар. Слова, слова...

Мари-Жанна. Моя родина — не только на карте, над которой можно проливать слезы. Моя родина во мне самой.

Фромануар. Будущее? Хотел бы я знать, где она, твоя будущая Франция.

Стучат в дверь.

Кто там? Войдите!

Входит Марсиаль, прежде чем поздороваться, отдает честь адмиралу.

Сцена 3-я

Те же и Марсиаль.

Марсиаль, двадцатипрехлетний сын адмирала, в форме мичмана французского флота.

Мари-Жанна. Ах, Марсиаль, Марсиаль! Представь себе! Наш адмирал, наше бедное неразумное дитя, собирался совер-

шить самую чудовищную глупость в своей жизни, в нашей жизни... И если бы не я... (Бросается в объятия отца и дает волю слезам.)

Марсиаль (в тревоге). Что случилось? Что с вами, отец?

Фромануар (нежно гладит Мари-Жанну по голове). Жанна! Красавица! Не надо плакать!

Мари-Жанна (ее жалоба переходит в крик). Он хотел убить себя. Понимаешь?..

Марсиаль. Отец!

Мари-Жанна (вырывается из рук отца, быстро, как в лихорадке). Спроси его. Марсиаль, пусть скажет, что он говорил мне сейчас... (Отцу.) Нет, вы не посмеете повторить, что Франция погибла! Он думает, что Франции больше нет. Скажи ему, Марсиаль, скажи ему, что будущее Франции — это его кровь и наша кровь. Скажи ему, что прекрасная эскадра Тулона (отцу), которой вы командуете, это тоже наша кровь. Кровь всех французов. Тулон — это Франция.

Марсиаль. Правильно, отец.

Фромануар (пожимая плечами).

Ребячество, детские бредни! Сегодня вечером враг войдет в Тулон.

Марсиаль. На море прилив.

Фромануар (иронически). Ну, и что же? Куда прикажешь плыть?

Марсиаль. В Гибралтар.

Фромануар. Гибралтар — не Франция.

Марсиаль. В Алжир.

Фромануар. И там не Франция. Франция там, где ее вождь.

Марсиаль (вызывающе). Какой вождь? Гитлер?

Фромануар (нервно). Запрещаю тебе... (Твердо.) Есть только один вождь — Петэн.

Марсиаль. Кто сидит в Виши? Немцы. Я щадил вас, отец. Я видел, что вы живете самообманом. Но я щадил вас. Я словом не оскорбил маршала. Но немцы давно уже прикрываются этим именем — так легче обманывать дураков... Кем бы ни был Петэн — жертвой обмана или соучастником...

Фромануар (строго). Марсиаль!

Марсиаль. ...сегодня это уже не важно. Сегодня немцы снова напали на Францию. Во второй раз. Война возобновляется. Мы могли спасти Францию два

года тому назад. Сейчас мы больше не вправе упустить эту возможность. На том берегу наши союзники, наши силы...

Фромануар (резко). Какие союзники? Уж не англичане ли? Или американцы?.. Союзники! Может быть, большевики? Нет, я никогда не пойду на союз с большевиками!

Марсиаль. Отец, отец, послушайте... Страна, которая создала такую армию, такую промышленность, преодолела такие трудности, люди, которые сражаются так, как сражаются русские у Сталинграда...

Фромануар (следуя своим мыслям). К тому же они на краю гибели. Немцы на Волге, завтра они будут на Каспийском море. Это конец Советской России больше не существует.

Мари-Жанна (тихо). Подождите предсказывать!

Марсиаль. Благодаря России Гитлер проиграл этот год. И во всяком случае проиграет войну.

Мари-Жанна. Поражение Гитлера под Москвой. это его Марна, начало конца германской армии.

Фромануар (почти не слушая ее).

Что бы ни произошло, все союзники мира не вернут нам нашей Франции. Нет больше Франции.

Мари-Жанна. Слышишь, Марсиаль?

Фромануар (упрямо). Нет больше Франции, нет у нашего народа любви к родине, нет у наших рабочих любви к груди. Что сделал твой Народный фронт? Кто занимал фабрики? Кто мешал работе, требовал оплаченных отпусков, отдыха, вместо того, чтобы трудиться? Вот плоды: война без танков, без самолетов, без пушек.

Марсиаль. Нет, отец! Полководцы без воли к победе, правители, которые поклонялись Гитлеру, как своему кумиру, они предрешили исход войны!

Мари-Жанна. И для них Гитлер — спаситель.

Марсиаль. Отец, если бы вы знали, что происходит на кораблях. Люди горят желанием отомстить. Немцев ненавидят. Всюду.

Фромануар. Откуда ты это знаешь?

Марсиаль (улыбнувшись). Кто хочет знать, тот знает. Доверие за доверие. Когда стоишь на вахте и беседуешь с матросами... Отец, верь мне. Если сила

народа в его единстве, то Франция сильна как никогда. Сказать тебе по правде?.. Никогда не было мне так хорошо жить во Франции, как сейчас... Одной волей, одной мыслью со всеми. В едином стане великого заговора против врага. Любовь роднит нас всех. И ненависть. И братство. Столетняя война, нашествие врагов, предательство, опустошение, тысячи бедствий нужны были, чтобы явилась Жанна Д'Арк. Наш народ не изменил себе и сейчас. Да, велики наши бедствия. Но и сила наша велика. Она преодолет все. Она наш главный союзник. Она поможет нам. И потому мы вправе принять помощь союзников: мы встретим их не с пустыми руками, но как равные в борьбе. Народ не расстанется с оружием. И флот принадлежит ему по неоспоримому праву! Мы призовем к ответу всех, кто не исполнит долга.

Фромануар (невольно прислушался). Так можно далеко зайти...

Мари-Жанна. Марсиаль говорил вам насчет матросов, а я знаю рабочих арсенала, знаю ремесленников. Я могу сказать вам, что они думают.

Фромануар (презрительно). Они коммунисты.

Мари-Жанна. Они французы. Брат правильно сказал — вы слишком далеки от них, вам не видно.

Марсиаль. Сейчас, сегодня, есть только французы, а по другую сторону баррикады — кучка жалких дураков и предателей.

Мари-Жанна. Я ведь сама работаю в арсенале. Я знаю рабочих, солдат крепостной артиллерии, механиков, матросов; я слышу, о чем говорят врачи, служащие, люди в очередях. Отец, одно ваше слово, приказание — отплыть, уйти кораблям в Алжир, и вы стали бы любимцем французского народа!

Звонок телефона.

Фромануар (берет трубку). У телефона адмирал Фромануар! Слушаю. А, это вы, Тассиньи? (Детям.) Генерал Тассиньи. (В трубку.) Откуда вы говорите, дорогой друг? Из Монпелье? Что такое? Да? Да? Да... (В голосе, во всем облике адмирала заметно сильнейшее волнение.) Право, не

знаю, что вам сказать... Прервали... Алло! Алло! Прервали. (Кладет трубку.) Это кузен де Латр де Тассиньи... Ведь он теперь командует военным округом Монпелье... Он говорит... он говорит, что немцы нарушили условия перемирия, что тем самым Франции возвращена свобода действий. Тассиньи попытается своими силами остановить немецкие мото-части.

Мари-Жанна. Вот это хорошо! Вот это люди! Храбрецы!

Марсиаль. Видите, отец, вряд ли вы заподозрите командующего армией генерала де Латр де Тассиньи в симпатии к коммунизму? То, что Тассиньи собирается предпринять с горсткой солдат в округе Монпелье, вы можете осуществить в масштабах, достойных величия Франции. Такой случай вам больше не представится... Присоединиться к силам союзников — значит разгромить буквально в несколько часов жалкие остатки итальянского флота, принудить Роммеля к капитуляции, а тогда союзники высадятся на нашей земле. Франция поднимется вся.

Фромануар (потрясенный, в нерешительности). Знаете, что говорил

мне Тассиньи как раз в ту минуту, когда нас прервали?

Мари-Жанна. Что?

Фромануар (с мущенно). Должно быть, потому-то нас и прервали... Так вот... Гм... Он советует мне — нет! Он говорит, что ему ясно... что он пришел к выводу...

Мари-Жанна. К какому выводу?

Фромануар. Одно я отказываюсь понимать, — что руководит маршалом... Может ли быть? Как все это ужасно... Но у маршала есть, конечно, свой план... Да... Так вот — маршал, якобы, лично предложил ему, Тассиньи, капитулировать... Понимаете вы что-нибудь?

Мари-Жанна (стараясь скрыть улыбку). Вас это удивляет?

Фромануар. Слушайте, дети! Тассиньи разделяет ваше мнение. Он крикнул мне в трубку — до сих пор не могу притти в себя! — «Нас предали! Уходите! Спасайте флот!»

Марсиаль. Ну, и что же, отец?

Фромануар (нерешительно). Марсиаль, мальчик мой, приведи ко мне тех людей, с которыми ты разговаривал, я хочу сам увидеться с ними. Выслушать

их. Иди. Если мы действительно уходим, все должно быть сделано быстро и без шума.

Марсиаль (бросается ему на шею). Ах, адмирал, дайте я вас обниму. Вы спасли честь нашей семьи, честь Фромануаров. А тебе, сестра, Франция будет навсегда благодарна.

Марсиаль вытягивается, отдает честь, адмирал торжественно отвечает ему. Марсиаль уходит.

Сцена 4-я

Те же без Марсиаля.

Фромануар. Для меня это исторический день, Мари-Жанна. Вы победили.

Мари-Жанна. Франция победила... Дайте и я вас обниму. (Целует его.) Ужасный человек! И вы могли думать о смерти, как раз тогда, когда ваша роль только начинается... Посмотрите, да вы помолодели на двадцать лет!

Фромануар. За тобою револьвер, Мари-Жанна!.. Все-таки я никак не могу понять действий маршала.

Звонок телефона.

Слушаю. Да, адмирал де Фромануар.

Здравствуйте, господин министр. Он будет здесь? По вашему поручению? Конечно. Я жду... Мое почтение, господин министр. (Вешает трубку и задумывается.) Звонят из Виши... Министр от имени Лавалья. Сообщает мне, что адмирал Базир вылетел сегодня утром из Виши с поручением ко мне. Он должен скоро быть.

Мари-Жанна. Как это мне не нравится!

Звонок телефона.

Фромануар. Слушаю. Адмирал Фромануар. Он прибыл? Он уже на борту? Проводите ко мне немедленно! (Кладет трубку.) Он уже здесь и морской префект также.

Мари-Жанна. Как это мне не нравится!

Фромануар. До свиданья, Мари-Жанна, до свиданья, моя храбрая француженка.

Сцена 5-я

Фромануар, Базир, Руа. У Базира физиономия лжесвидетеля.

Фромануар. Войдите, Базир, прошу вас! Счастлив видеть вас. Руа, привет!

Базир и Руа здороваются с адмиралом.

Базир. Адмирал, мое почтение!

Руа. Привет, дорогой друг.

Фромануар. Как вы долетели? Не очень качало? Садитесь. (Руа.) Садитесь, Руа. Стаканчик чего-нибудь?

Базир и Руа садятся.

Базир. Если разрешите, адмирал.

Фромануар. Позвольте, я сам все приготавливаю. Так нам, по крайней мере, никто не помешает. (Обращаясь к Руа.) Не для того он летел в Тулон, чтобы болтать с нами... (Подходит к шкафчику с ликерами, открывает его.) Сухого? Сладкого? Шартрез? Джин? Арманьяк?

Базир. Доверяюсь вам, адмирал.

Фромануар (лукаво). В таком случае — «Триплъ-сек».

Базир. Bravo, адмирал, «Триплъ-сек». Настоящий французский напиток!

Фромануар. Или вы предпочитаете виски? У меня есть как раз скотч, первоклассный.

Базир. А, скотч? Да, скотч достоин всяческого внимания.

Фромануар. Но предупреждаю вас, что я сам не поклонник скотча. Противней-

шая штука. Без солнца, без души. Фу! Я остаюсь верен своей старой эльзасской мирабели.

Базир. А! Bravo, адмирал, bravo. Рад это слышать. Мне тоже, пожалуй, мирабель. Ничего не может быть лучше мирабели.

Фромануар. Очень рад, что наши вкусы сходятся. Ваш вкус, Руа, я знаю. (Наполняет стаканы.)

Базир и Руа встают.

За Францию!

Базир (с ударением). За маршала!

Отпивают, садятся, во время беседы продолжают медленно тянуть ликер.

(Тонем духовника.) Адмирал! Господин министр и господин председатель Лаваль поручили мне... сообщить вам совершенно конфиденциально... от их имени... и от имени маршала, что Тулон не будет оккупирован войсками оси.

Фромануар вздрагивает.

И что французскому флоту ничто не угрожает со стороны оккупационных войск.

Фромануар (с чувством). Важная новость, Базир! Значительное, очень значительное известие!

Базир. Да, вы правы, адмирал. Важное и счастливое известие.

Фромануар (в волнении). Но не объясните ли вы мне...

Базир (ханжески). Председатель Лаваль просил меня особо подчеркнуть при встрече с вами значение уступки, которую нам делает фюрер. Это со стороны фюрера истинно рыцарский жест.

Фромануар. Гм... Не в обычае этих господ давать, ничего не получая взамен. Чего они ждут от нас?

Базир (бросив многозначительный взгляд на Руа, страшно конфиденциально). Я имел честь быть вызванным к маршалу сегодня утром, перед отъездом из Виши. Все, что я вам скажу, должно остаться в кругу людей, на честь которых мы можем положиться. (Таинственно.) Маршалу самому ненавистна политика, которую он проводит... для вида. Маршал остается у власти только ради того, чтобы избавить Францию от испытаний еще более тяжелых и вырвать из когтей немцев все, что

может быть спасено... Довериться маршалу! Не смущаться его официальными декларациями и показательными действиями... Маршал не свободен... Враг держит его под угрозой страшных репрессий... Маршал жертвует собой для Франции.

В это время радио, которое так и не выключали, оно с начала картины сопровождало действие то нежными, то бравурными мелодиями — радио вдруг раздражается вульгарной песенкой. Это пошлый, очень назойливый и вместе с тем иронический мотив, вроде, например: «Волнуй меня, волнуй, как ты аппетитна!»

(Вслушиваясь, говорит раздраженно.) Разрешите, я выключу? (Выключил, продолжает также напыщенно.) Противодействовать немцам, — значит мешать конспиративной работе маршала... Маршал поручил мне сказать следующее: «Будем же нести свой крест, подобно Ему. Если испытания, выпавшие на нашу долю, покажутся слишком тяжкими, вспомним о Нем, о Его муках, и без страха последуем по пути, ведущему к освобождению Франции и ее вождя».

Фромануар (взволнованно). Какой же путь маршал предназначил мне?

Базир (снова взгляд в сторону Руа, по лицу которого пробегает едва заметная улыбочка). Флот будет оставлен Франции при условии, что он не подаст своими действиями повода для беспокойства германскому командованию. В частности, подразумевается возможная попытка отплытия в Северную Африку. Приказ маршала: сделать все, чтобы отныне немцы были спокойны за наш флот.

Фромануар (глухим голосом). То есть... Объясните, пожалуйста, Базир.

Базир (вдруг берет твердый, повелительный тон.) Разоружить корабли, поставить на ремонт важнейшие суда, выкачать горючее.

Фромануар (задыхаясь). Как? Как?!

Базир (невозмутимо). ... Отправить в отпуск часть экипажей.

Руа. Взять под стражу смутьянов.

Базир. Да, зачинщиков — за решетку. Наконец, вы берете на себя формальное обязательство оказать сопротивление всякой попытке высадки англо-американских войск.

Фромануар (вскакивая). Но это значит дать связать себя по рукам и ногам...

Базир. Нет, поскольку немцы обязались не трогать флот. Фюрер дал честное слово солдата нашему маршалу.

Фромануар (сбит с толку). И вы говорите, что таков приказ маршала?

Базир. Таковы его прямые, совершенно ясные, лично им данные секретные указания, адмирал.

Фромануар (в величайшей тревоге). Но цель? К чему это должно привести нас?

Базир (еще более таинственно и доверительно). А вот к чему: Франция сохраняет свою мощь на море, моральное единство, политическое равновесие. Франция предоставляет драться другим и, каковы бы ни были испытания и бедствия, она приходит к концу войны в лучшем состоянии, чем те, кому приходится воевать...

Фромануар. Ваше мнение, Руа?

Руа. Сложная игра.

Базир. Да, сложная игра.

Руа. Маршалу и Лавалю удалось совершить почти чудо: они превратили Францию из побежденной страны в страну невоюющую.

Базир. Еще несколько усилий, и мы

займем достойное место в новой Европе, единой и мирной. Зато один ложный шаг, и мы летим в пропасть! (С п а ф о с о м.) Слушайте, адмирал: все честные люди, все истинные французы должны стать участниками большого заговора маршала во имя спасения Франции и порядка, во имя защиты наших великих общественных традиций против большевизма.

Фромануар. Цель не вызывает сомнения.

Базир. Ни цель, ни средства, адмирал.

Фромануар. Что касается средств, — риск чудовищно велик.

Базир. В чем, по-вашему, риск?

Фромануар. А если немцы не сдержат данного маршалу слова?

Базир. Зачем немцам наш флот? Им достаточно их авиации, чтобы господствовать в Средиземном море, и достаточно подводного флота — для господства в Атлантике.

Руа. Гитлер не заинтересован в чрезмерном ослаблении Франции — это означало бы усиление Италии, а фюрер ненавидит дуче.

Фромануар. Все это верно — при условии, что Гитлер победит.

Базир. Он победит! Он уже победил! Председателю Лавалю угодно было поделиться со мной последней информацией, которая поступила к нам из абсолютно надежного источника: русская армия разгромлена; англо-американские войска в Северной Африке отрезаны от своих баз. Не пройдет и трех месяцев, как они будут сброшены в море. Новый Дюнкерк, куда более страшный!

Фромануар (вполголоса). Этого я ожидал!

Базир. Наша африканская армия первая поможет нам! Итак, адмирал, каков ваш ответ маршалу?

Фромануар. Скажите ему, Базир... скажите маршалу. (Почтительный взгляд в сторону портрета Петэна.) Как это тяжело! Какая ответственность!.. Но если то, что вы мне сообщили, Базир, действительно представляет...

Звонок телефона.

(В трубку.) Слушаю. Адмирал де Фромануар. Марсиаль? Они с тобой на борту, эти... (осекается). Гм... Те, кого ты...

Базир (сдерживая улыбку). Не стесняйтесь, адмирал; я должен переговорить по телефону с Лавалем. Он с нетерпением ждет отчета о моей миссии у вас.

Фромануар (в трубку). Марсиаль, подожди минуту. Не отходи от телефона. (Кладет трубку на стол.) Пройдите ко мне, Базир. И вы, Руа. (Открывает одну из дверей.) Прямой провод с Виши в вашем распоряжении. Будьте, как дома.

Базир. Благодарю вас, адмирал.

Руа. И помните, мой друг, зачинщиков под стражу.

Фромануар возвращается к телефону. Он возбужден, в смятении.

Базир (на мгновение задерживается на пороге, подмигивает Руа, интимно, с непередаваемым цинизмом). Ну, как вы находите?

Руа (улыбаясь). Великолепно разыграно!

Базир. Мы, кажется, подоспели вовремя. Старые-то рога не сразу обломаешь. Крепкие!

Руа. Вы сегодня победитель!

Уходят.

Сцена 6-я

Фромануар так и остался сидеть с телефонной трубкой в руках; он растерян, глубоко несчастен. Вдруг он решается.

Фромануар (в трубку — голосом, каким отдают приказания). Марсиаль! Пошли ко мне этих людей! А сам возвращайся к себе на корабль. Да, да. Сюю же минуту. (Кладет трубку, направляется к портрету маршала, мгновение рассматривает его. Берет в руки портрет дочери, также всматривается в него, потом пожимает плечами — странный жест: покорность судьбе и жалость; откладывает фотографии в сторону.)

Войдите!

Матрос-вестовой вводит Иву и Жюло и исчезает.

Сцена 7-я

Фромануар, Ив, Жюло.

Ив и Жюло, стоя навтыжку, здороваются с адмиралом.

Фромануар (сухо). А, это вы? Вас только двое?

Ив. Господин адмирал, мичман де Фромануар намеревался сказать вам, что он не успел оповестить других товарищей.

Фромануар. Ага! Других? Значит, вы в компании с другими? Много вас?

Жюло (предостерегающе толкает локтем Ива). В какой компании, осмелюсь спросить, господин адмирал?

Фромануар. В компании смутьянов... которые агитируют, занимаются политикой...

Жюло. Мы, господин адмирал, занимаемся политикой?

Фромануар. Не прикидывайтесь дураками! Значит, вы оба и есть зачинщики.

Ив. Зачинщики? Какие зачинщики?

Жюло. Мичман де Фромануар сказал нам...

Фромануар. Оставьте в покое мичмана де Фромануара. Я сам займусь мичманом. Известно ли вам, что беспорядки и заговоры на борту кораблей государственного флота суть преступные действия и, как таковые, подлежат каре по законам военного времени?

Жюло. Мы не понимаем, какой заговор вы имеете в виду, господин адмирал.

Ив. Ни о каком заговоре...

Фромануар. А, нет? А подрыв воинского духа на кораблях, а попытка передать флот в руки врага,— это не заговор, не измена?

Жюло (в негодовании). Да разве кто-нибудь это замышлял?

Ив. Это вот и есть настоящая измена— обвинять нас в такой подлости!

Жюло. Мы знаем только одного врага — бошей.

Ив. И их союзников.

Фромануар. Ах! Так вы так? (Подходит к столу и звонит.)

Ив (тихо). Плохо дело.

Жюло. Мы, кажется, сели на мель...

Фромануар (в трубку). Дежурного офицера и полицейскую охрану немедленно в каюту адмирала! (Кладет трубку, матросам.) А-а! Так мы, значит, строим из себя деголлевцев! Может быть, коммунистов? Я не хочу иметь у себя на кораблях ни деголлевцев, ни коммунистов. Я их знать не знаю. Знаю только дисциплинированных матросов, верных начальников и его (указывает на портрет Петэна) — он начальник над всеми нами!

Жюло (с бесконечным презрением). Вот этот? Капитулянтская душа!

Фромануар. Что? Что это значит?

Входит дежурный офицер и останавливается на пороге. За его спиной в полутьме кулис сверкнули штыки полицейской охраны.

Сцена 8-я

Те же, дежурный офицер.

Фромануар. Немедленно взять под стражу.

Жюло (иронически). Всего насмотрелись, но такого еще не видели: чтобы адмирал свою адмиральскую каюту сдавал под мышеловку.

Фромануар. Молчать... Увести их.

Ив (спокойно). А все-таки вы нам не заткнете глотку. (Кричит.) Да здравствует Франция!

Караул уводит матросов. Фромануар стоит мертвенно бледный, почти в беспамятстве, медленно стирает пот со лба.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Та же декорация, что и в первой картине первого действия. На стенном календаре двадцать пятое ноября тысяча девятьсот сорок второго года.

Сцена 1-я

Зигмунд, Зигфрид и два француза — спекулянты с черной биржи. Оба немца сидят по разным сторонам сцены, каждый за своим столом. Перед каждым — клиент с черной биржи. Против толстяка Зигмунда — высокий молодой и костлявый субъект. С тощим Зигфридом спорит маленький пузан. Обе эти беседы проходят весьма оживленно, в сопровождении множества жестов, поскольку купцы не говорят по-немецки. Во всей торговле есть нечто джарское.

Зигмунд. Своего угля дешевле двух тысяч франков за тонну не уступаю. Угля! Угля!.. две тысячи!.. тонна!..

Первый спекулянт — неистовый жест: — «Слишком дорого».

Зигфрид. Немецкий авиационный бензин высшего качества за двести франков, бидон в пять литров.

Второй спекулянт (воздевая руки к небесам). Слишком дорого!

Зигмунд. Хорош!.. Уголь!.. Немецкой армии! Две тысячи!

Первый спекулянт. Тысячу! (Показывает пальцами.)

Зигфрид. Лучшего бензина не найдете! Двести франков!

Второй спекулянт. Сто! (Показывает пальцами.)

Зигмунд. Нет! Две тысячи!

Зигфрид. Двести! Двести!

Оба купца одновременно поднимаются с видом оскорбленной добродетели.

Оба спекулянта. Нет! Невозможно! Слишком дорого.

Первый спекулянт. Вы меня душите! (Объясняет жестом.)

Второй спекулянт. Вы меня... удавили! (Дополняет жестом.)

Зигмунд. Ладно же! Ступай к чорту, французская сволочь!

Зигфрид. На виселицу, грязный француз!

Зигмунд. Стоп!.. За попытку дать взятку мне, честному немецкому солдату!.. арестую вас!

Зигфрид. Берегитесь! Вы хотели подкупить... мою честную верную немецкую совесть... Я вас... отправлю в тюрьму!

Оба покупателя в отчаянии.

Первый спекулянт. Полторы тысячи франков за тонну!

Второй спекулянт. Полтора ста франков за бидон!

Зигмунд. За полторы тысячи идег... Тащите деньги! Лучший уголь немецкого интендантства!

Зигфрид. Хорошо! Полтора ста! Деньги на стол! Синтетический бензин высшего качества в немецкой армии.

Первый спекулянт (совершенно счастлив). Беру десять тонн.

Второй спекулянт (за трепетав). Беру пятьдесят бидонов...

Зигмунд. Ждите с грузовиками...; завтра в полночь... у вокзала Вожирар. Дадите... десять процентов на водку... часовому... верному немецкому солдату.

Первый спекулянт. Дорого!

Зигфрид. Ждите... с двумя пятитонка-

ми... в среду в полночь на вокзале Батиньоль... не забудьте пятнадцать процентов на водку... честному... немецкому часовому...

Второй спекулянт. Вы... злоупотребляете!

Первый спекулянт. Вот! Пятнадцать тысяч франков!

Второй спекулянт. Вот! Семьдесят пять тысяч франков... Вы... не забудете?

Первый спекулянт. Вы не забудете?

Зигмунд (беря деньги). Не беспокойтесь... Это убило бы коммерцию. А затем немедленно смывайтесь...

Зигфрид. Честность... двигатель торговли! И чтоб вашего духа здесь не было!

Грубо выставляют за дверь обоих спекулянтов.

Сцена 2-я

Зигмунд и Зигфрид пускаются в пляс, размахивая пачками денег и шлепая друг друга по спине, как в первом акте.

Зигмунд. Ого! Пятнадцать тысяч франков, Зигфрид!

Зигфрид. Ого! Семьдесят пять тысяч франков, Зигмунд! У меня больше.

Зигмунд. Да, но я предпочитаю обдѣлывать дела с углем! Жидкое горючее жжется!

Зигфрид. Уголь пачкает, бензин очищает.

Зигмунд. Плевать, плевать! Держись, Зигфрид, грязная рожа! Ну и ночьку проведем мы у девочек!

Зигфрид. На деньги французских мошенников!

Входит лейтенант Никнель и в течение некоторого времени неподвижно, с моноклем в глазу, сжав губы, наблюдает веселье своих вестовых.

Сцена 3-я

Те же и лейтенант Никнель.

Никнель. Самочувствие, видно, неплохое!

Оба солдата, мгновенно окаменев, вытягиваются и шелкают каблучками. Так превращаются в соляной столб. Никнель подходит к Зигмунду.

Сколько ты наскреб у французского торговаша? (Вырывает деньги из рук солдата и считает их с ловкостью крупье из казино.) Пятнадцать тысяч? Вот... (возвращает Зиг-

мунду часть денег.) Это ты можешь оставить себе, если будешь повиноваться беспрекословно.

Зигмунд бледен, как мел. Никнель спокойно подходит к Зигфриду.

Семьдесят пять тысяч! Красота! Не в кулак сморкаешься, голубчик! (Кладет деньги в карман.) Но самое главное: точно доставить товар. Основное правило: не убивать курицу, если она несет золотые яйца! До свиданья! Никогда не видал таких идиотов! (Уходит.)

Сцена 4-я

Зигмунд и Зигфрид — соляные столбы — возвращаются к жизни.

Зигфрид (ошеломлен). Что, старина?

Зигмунд (подавлен). Обработали, обобрали!

Зигфрид (возмущен). Он, видно, давно следил за нами!..

Зигмунд (грозя кулаком за кулисы). Видал ли ты когда-нибудь худшую свинью, чем этот мерзавец?

Голос из-за кулис. Ахтунг!

Шаги, шелканье каблукми, тишина.

Зигмунд (вполголоса). Ахтунг!

Оба вытягиваются по обеим сторонам двери. Входят адмирал фон Засс и полковник фон Грунер, тяжело раненный, хромает. По знаку оба вестовых исчезают.

Сцена 5-я

Фон Засс, фон Грунер.

Засс (притих ровно настолько, насколько чванился две недели тому назад). Итак, полковник, вы оттуда?

Грунер. Прямо оттуда, адмирал. Я оставил главную квартиру фюрера вчера вечером. Летел всю ночь. Три тысячи⁴ километров.

Засс. Видели вы Рундштедта?

Грунер. Фельдмаршал фон Рундштегелт поручил мне незамедлительно вас информировать.

Засс. Поговорим дружески, с полной откровенностью. Что нового?

Грунер (холодно). Ничего хорошего, адмирал.

Засс (удручен). Так я и предполагал.

Грунер. Вы уже знаете о том, что произошло на Кавказе? Пятнадцатая армия

разбита под Орджоникидзе и в беспорядке отступает. На Волге и на Дону русские перешли в наступление с прошлой среды. С севера и с юга по направлению к Сталинграду они значительными силами, под самым носом наших войск, перешли обе реки. Венгры и румыны бегут. Танковые части неприятеля ворвались в эту брешь. Шестая армия отрезана, окружена... Огромные потери...

Засс. Хуже всех моих предположений!

Грунер. Между тем в излучине Дона наступают другие армии большевиков. Ни одной из наших частей не удастся перехватить инициативу.

Засс. Грунер, что же будет с Павлюсом?

Грунер. Чудеса устали работать на нас.

Засс. А тут еще этот Роммель, шут гороховый, последняя звезда берхстенгаденского производства, бежит во все лопатки от англичан, сдает Тобрук, сеет по дороге свою армию. Вчера пала Киренаика, завтра падет Триполитания. А в тыл ему угрожают американцы.

Телефонный звонок.

У телефона адмирал фон Засс... Да.

(Удрученно.) Да... да... (Вешает трубку.) Вот для полноты: утренняя сводка... русские силами всего центрального фронта перешли в наступление на Великие Луки и Ржев.

Грунер (холодно). Этого можно было опасаться.

Засс. Можете вы объяснить, фон Грунер, откуда русские извлекают такие силы?

Грунер. Должно быть, стоит русским топнуть ногой, и из-под земли вырастают армии.

Засс. А снаряжение? А вооружение?

Грунер. Первоклассное.

Засс. Американское? Английское?

Грунер. Главным образом, советское.

Засс (горько). Нам говорили, что это народ...

Грунер (значительно). Мы сильно просчитались. Это не единственная наша ошибка.

Засс. Кто же им создает оперативные планы?

Грунер. Сами создают. Как ни тяжело в этом признаться.

Засс (доверительно). Вы офицер связи при высшем командовании. Вы ви-

дите все и знаете все. А мы с вами оба—старые солдаты. Какое ваше общее впечатление?

Короткое молчание.

Грунер (четко, как бы вычерчивая геометрическую фигуру). Война проиграна. Больше, чем война: режим. Больше, чем режим: империя. Минувя эти три руины, остается спасти Германию.

Засс (с едкой иронией). Нам обещали войну на истребление, но истребление повернулось в другую сторону!

Грунер. Адмирал, вы знаете — я рядовой офицер. И только из-за раны меня причислили к верхам. Я участвовал в кампании в Польше, в Норвегии, на Западе, на Балканах, в России. Я командовал боевыми соединениями в каждой из этих стран, в самой гуще. Из-за нас текут потоки крови и слез. Мы вызвали против себя ненависть. Вы не представляете себе, что значит быть окруженным ненавистью целого народа. Что натворили в этих странах эсесовцы и разнузданное зверство наших солдат, что наделала наша авиация в Англии и в других местах!

Было ли это необходимо? Это граничит с садистским сумасшествием. Подобное поведение нуждалось по меньшей мере в победе. Колокола и барабаны заглушили бы крики... Представляете вы теперь, по каким счетам придется платить? По счетам крови, слез, пожаров, грабежей. (Сильно.) Но тем не менее мы стараемся не платить!

Засс (сдавленным, хриплым голосом). А средство?

Грунер. Проиграна война, а не мир. У нас в руках Европа и кусок Африки. С такими кушами в кармане можно и поговорить. Наши методы, конечно, низкопробны, но о них жалеть уже поздно. Враги усмотрели бы в этом только проявление слабости. При всех условиях — еще больше крови, еще больше ненависти. Мы привязаны к террору, как Иксион к своему колесу... В надежде, что другим это надоест раньше, чем нам.

Засс (цепляясь за эту надежду). Им это надоест раньше.

Грунер (скептически). Да услышит вас небо! Что же касается военных действий, — напярчь все силы, а там — пускай противники задохнутся; довести

их до компромисса. И ударить тем сильнее, чем слабее мы сами себя считаем.

Засс. Правильно!

Грунер. Но сверх всего стараться, чтобы ни одна вражья нога не ступила на германскую землю! (Не скрывая угрожающего оттенка мысли.) А потом мы сведем счеты с господами партийными бонзами.

Засс (мрачно). Да, этот день должен наступить.

Грунер (конспиративно). Выказанное мною есть не только мое личное суждение, — вы догадываетесь!

Засс. Так я и предполагал. Очень вам обязан.

Грунер (снова официально). Так вот, адмирал, мне даны следующие инструкции: ситуация на восточном фронте такова, что мы не можем дожидаться в Тулоне, к чему приведут сложные и криводушные маневры мошенника Лавая. Время не ждет. Французский флот должен быть немедленно в наших руках. Тулон будет оккупирован в течение сорока восьми часов, какой бы это ни стоило борьбы, — и на французских кораблях взовьются немецкие флаги. В соответст-

вии с этим верховное командование предлагает вам без проволочки исполнить следующее — здесь у нас достаточно сил, чтобы...

Занавес быстро падает, прерывая его последние слова.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Общественный сад в Тулоне. Южная растительность. В глубине — морская бронзовая зыбь. Виден рейд — на нем корабли. Конец ноября. Темное, пасмурное небо. (Эта картина может быть сыграна на просцениуме.)

Сцена 1-я

Марсиаль, Алиса.

Марсиаль — в гражданском платье, Алиса — в костюме бедной учительницы, однако и в этой одежде виден весьма изящный вкус, отчего ее красота еще ослепительней. Легкий признак румян. Марсиаль и Алиса сидят на скамейке.

Марсиаль. Не смею верить в такую удачу. Встретить вас было счастьем для меня. Мне казалось, что вся моя жизнь меняется... наполняется светом... Среди страшных и в то же время подлых собы-

гий этой осени, еще более грязной, чем зима, у меня создалось впечатление, что снова весна и что мне восемнадцать лет. Благодаря какой счастливой случайности вы пересекли мою дорогу?

Алиса (растроганно). Или, наоборот, вы — мою?

Марсиаль. Дорогая! Если бы я только мог уничтожить страдальческую складку у вас между бровями!

Алиса. Уничтожьте оккупацию, ужас, верните мне мать, родную деревню, школу, где я преподавала... моего... (Остонавливается.)

Марсиаль (с печальной нежностью). Договаривайте! Вашего... мужа?

Алиса утвердительно кивает головой и внезапно раздражается слезами. Марсиаль кладет ее голову себе на плечо, она не сопротивляется.

Не льщу себя надеждой, что смогу стереть прошлое. Образ вашего мужа не кажется мне соперником. Но если бы я смог смягчить ваше горе...

Алиса (еле слышно, положив руки ему на плечи). Ужасно ска-

зять, но вы... можете. (Поднимает лицо. Улыбается сквозь слезы,—солнце сквозь дождь.)

Сцена 2-я

Те же, полицейский инспектор.

Полицейский инспектор медленно пересекает сцену с зонтиком подмышкой, на голове котелок, он читает газету. Алиса взволнованно прижимается к Марсиалю. Молчание. Инспектор останавливается перед тем, как удалиться и, стоя, продолжает читать,—наполовину повернувшись спиной.

Алиса (лихорадочно). Что надо от меня этому человеку? Ведь это полицейский. Я встречаю его на каждом шагу. Пощупайте, у меня ледяные руки.

Марсиаль. Да, видна птица по полету. Стало быть, за вами наблюдение.

Алиса. Скорее за вами. Что я сделала дурного?

Марсиаль. Вы любите Францию. Сейчас во Франции это самое тяжелое преступление.

С той же стороны, откуда появился инспектор, входят Луиза, Жожо и Роже и при виде спины полицейского останавливаются.

Сцена 3-я

Те же, Луиза, Жожо, Роже.

Жожо — портовая девица, молодая, привлекательная, сильно накрашенная. Явственный южный говор. Роже — шестнадцатилетний, неуклюжий малый, сын зажиточных буржуа.

Луиза (сквозь зубы, пристально глядя на полицейского). Опять он тут как тут!

Роже (удивленно). Кто это? Что произошло?

Жожо (вполголоса). Ах ты, простак-простаком! Разве ты не видишь, дурачок, кто там перед нами? Это морфинист. Еще не намозолил он тебе глаза?

Инспектор методично складывает газету, поднимает голову, с совершенно безразличным видом огляделся вокруг и медленно, выгнув спину, удаляется — ни дать, ни взять — беспечная прогулка.

(Роже). Слышишь, ни шагу! Пускай его смывается!

Сцена 4-я

Те же без инспектора.

Луиза и оба ее спутника подходят к Марсиаю.

Луиза (взволнованно). Выдали?

Алиса (взволнованно). Он идет за мной по пятам.

Марсиаль. Я не удивлюсь, если у моих знакомых будут неприятности. Я даже беспокоюсь за вас, Алиса! Ну, друзья мои, в течение некоторого времени нам не придется встречаться. Мы будем связаны только через Алису. Так, Алиса?

Она улыбается, соглашаясь.

Луиза. Когда должны выйти из тюрьмы Ив и Жюло?

Марсиаль. Отец обещал мне освободить их сегодня же утром.

Луиза. Конечно, они явятся в бар Кокбэр! И вы их увидите. Итак, вот что: Алиса и я, мы пойдем в бар перед вами. Если начнется тарарам, Алиса будет ждать вас у входа в Ратушу. Если ее там нет, смело входите в бар.

Марсиаль. Вы становитесь отличным командиром.

Луиза (весело). Все может случиться. Эти двое, это — Жожо и Роже. Чудная чертовка по несчастью взялась за предосудительное ремесло, но греха на ней нет, и я бы пожелала многим чест-

ным людям иметь такую же чистую совесть, как у нее.

Марсиаль. Здравствуйте.

Луиза. Она тоже сделается у нас знаменитым связистом. А этот (дружелюбно подталкивает в плечо Роже) — это школьник, ученик лицея. У его папы большой ювелирный магазин на улице Жореса. Папа за Лавалья, малец за де Голля... Между нами говоря, это Жожо приобрела его доверие и привела мальчугана к нам. Ведь этой образине всего шестнадцать лет, но сердце у него имеется.

Марсиаль (улыбаясь). Здравствуйте.

Роже (восторженно). Здравствуйте! Как я счастлив познакомиться с вами! Мне столько про вас говорили...

Марсиаль. Кто же это? Не надо было столько рассказывать.

Роже. Товарищи по лицу. Все наши парни знают вас. Вы у нас знаменитость. Мы сформировали небольшую группу. С нами несколько преподавателей. Работают неплохо. Но хотят сделать больше.

Марсиаль. Очень хорошо!

Луиза. Мы вас покидаем. Вы идете, Алиса?

Алиса. До скорого. (Это Марсиалью. Остальным — улыбка.)

Алиса и Луиза уходят.

Сцена 5-я

Марсиаль, Жожо, Роже.

Жожо (нахмурив брови, следит глазами за Алисой). Кто она такая, эта Алиса?

Марсиаль. Беженка.

Жожо. Беженка! Такая же беженка, как моя ляжка, вот что!

Марсиаль (удивленно). Что вы хотите этим сказать?

Жожо. Э, вы же знаете, у меня только и есть, что нос, то-есть чутье... Ну, так вот. Нос у меня зачесался. Дурной знак!

Марсиаль (явно рассержен). Если бы я руководствовался всеми носами, которые встречаю!..

Жожо. Разные бывают носы. Но это, доложу я вам, особая штучка. Что-то нечисто в этой дамочке. Не собираюсь давать вам советы. Вы взрослый мужчина, офицер. Но столько я перевидала

всякого на своем веку,— меня втупик не поставишь. Вот я вам и говорю: берегитесь! Эта девка не простая!

Марсиаль (взбешен). Когда же ты кончишь!

Опять медленное появление инспектора.

Сцена 6-я

Те же и инспектор.

Роже. Тихо! Полицейский инспектор!

Марсиаль. За мной. (Уходя, говорит очень сухо.) А ты, миленькая, если хочешь жить в мире с нами, больше не касайся своим язычком госпожи Леруа! Понятно?

Жожо (пожимая плечами). Как угодно! Как угодно!

Уходят. Полицейский инспектор, оставшись один на сцене, беспокойно садится на скамейку, оглядывается во все стороны; заворачивает штанину брюк и вспрыскивает ампулу морфия себе в икру. Затем быстро поднимается и почти бежит в том же направлении, что Марсиаль и остальные двое,

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Бар Кокбэра в Тулоне.

Сцена 1-я

Кокбэр, Леокади, Луиза, Алиса Гиддинс, супруги Тулемонд.

На календаре двадцать шестое ноября. По радио передается тихая музыка. За стойкой, как и в первом акте, хозяин Кокбэр и Леокади, вечно вяжущая черную шерсть. Перед стойкой стоят госпожа Тулемонд и ее маленький муж. Госпожа Тулемонд — разбогатевшая лавочница, Корсаж также объемист, как и то, что ниже талии. Затылок в крупных локонах, кожа испещрена угрями от злоупотребления косметикой, непомерно накрашена. Голова откинута назад, рот, затемненный усиками, гордо оттопырен. Платье из черного шелка, мех наброшен на плечи, чулки и сверкающие туфли, много драгоценностей. Слова возвышены, но голос при этом масляный от постоянных соприкосновений со священниками и причащением. Около жены — сухонький, робкий, серенький, испуганный миниатюрный господин Тулемонд со скудной растительностью и незначительным черепом. Не взирая на свое величие, супруги Тулемонд пьют белое вино и чокаются с хозяином. В глубине сцены сидят рядом Луиза и Алиса.

Госпожа Тулемонд (разглагольствует, с ужасающим южным акцентом). Да, я никогда не переста-

ну повторять,—где бы мы были, если бы не маршал! (Каждый раз при произнесении слова «маршал» кажется, что она глотает святое причастие). Маршал—это наш спаситель! Маршал спас нас от коммунизма! Разве это не правда, то что я говорю?

Леокади (коммерческая вежливость). Совершенно справедливо, госпожа Тулемонд!

Госпожа Тулемонд. Стало быть все классы общества должны теснее сплотиться около маршала. Мы, то-есть господин Тулемонд и я,—не горбимся, Камиль!—мы представляем мелкую торговлю... Равно как и вы, господин и госпожа Кокбэр! Маршал—это же наш человек... если только мне будет дозволено употребить по отношению к нему (умиленный взгляд на портрет Петэна) такое фамильярное выражение. Нет, я предпочитаю называть его нашим богом! Неправда ли, госпожа Кокбэр?

Леокади. Правду вы сказали, госпожа Тулемонд!

Госпожа Тулемонд. Нашим богом! Ведь

мелкая торговля, в конце концов, это и есть Франция! Я не краснею, мы оба абсолютно не краснеем, господин Тулемонд и я, от того, что приобрели наше состояние... наше небольшое состояние в торговле. Я никогда не забуду, что нашим соседом в течение пятнадцати лет был кабачок господина Кокбэр. Всегда ведь с удовольствием смотришь на те места, где вырос!

Кокбэр (вежливо). Удовольствие и для нас, госпожа Тулемонд. Угодно вам еще что-нибудь, госпожа Тулемонд?

Госпожа Тулемонд (жеманясь). Ну, что ж, еще маленький бокал белого, господин Кокбэр! За здоровье маршала! Ах, маршал! Спасая Францию, он спас торговлю! Если бы вы знали, до чего милы господа из немецкой и итальянской реквизиционной комиссии. Чрезвычайно воспитанные люди! Какое удовольствие делать с ними дела! «Мир согласно чести и согласно достоинства». Как прекрасны эти слова маршала! «Мир согласно чести и согласно достоинства». Истинная правда! Как вы находите?

Леокади. Совершенно справедливо, госпожа Тулемонд!

Госпожа Тулемонд (поднимает стакан). За маршала!

Кокбэр (уступая). За маршала!

Госпожа Тулемонд. А ты, Камиль, ничего не скажешь?

Тулемонд (писклявым голоском). За маршала! (Пьет и поперхнулся.)

Госпожа Тулемонд (бьет его по спине). Я устроила господина Тулемонда в легион маршала, — не горбись. Камиль! — он присягнул в верности маршалу. Великолепная идея, этот легион!

Входит Марсиаль и, незамеченный, останавливается около двери, заинтересованный проходящей сценой.

Сцена 2-я

Те же, Марсиаль.

Госпожа Тулемонд (продолжает). Каждое утро я бужу Камилля «призывом легионера». Вы не знаете «салют легионера»? Камиль, иди туда, в конец залы. (К о всем.) О, я вас познакомлю с «салютом легионера!» (Камилю, властно.) Ты меня слышишь, Камиль? (К о

всем.) Вы сейчас увидите. Смотрите хорошенько!

Камиль, сначала остолебенев, кончает тем, что повинуется и отправляется в другой конец бара.

Ты готов? Ну, теперь повернись ко мне! Смотри мне прямо в лицо! Глаза в глаза! (Выпрямляется, вытягивает руку для римского приветствия и внезапно завывает.) «Ко мне, компаньон»!

Тулемонд (та же игра, отвечает крикливо). «Франция прежде всего!» (Естественным голосом.) Можно мне вернуться?

Госпожа Тулемонд (величественно). Вернись, Камиль! (Всем присутствующим.) Не правда ли, великолепно, и воистину по-французски?

Кокбэр (вежливо). Браво, браво!

Леокади. Очень мило!

Госпожа Тулемонд. Вот только высадка англо-саксов в Алжире грозит нам страшным ударом. О, плутократы хорошо знали, что делали! Морить голодом страну, — вот их план! Мы в основном работали на алжирском импорте для оккупационной армии... шерсть, масло,

вина, овощи!.. И все это сейчас приостановлено, пока войска оси не очистят нашу дорогую французскую Африку.

Алиса (вскакивает со своего места в глубине). Наконец, это стыд и срам! Что же, так она и будет извергать оскорбления на Францию? Или ни у кого из вас кровь не течет в жилах!

Всеобщая сенсация. Входит полицейский инспектор и садится за стол впереди. Луиза делает жест отчаяния.

Сцена 3-я

Те же и инспектор.

Госпожа Тулемонд. Как! Что это? Это мне говорят?

Алиса (пламенно). Вам! И всем людям вашей породы, которые размножаются на нашем поражении и на нашем сраме, как черви в ране. Терпеть это отродье в своей среде! За что послано такое наказание Франции? Эти люди продали бы труп своей матери, если бы надеялись на четыре су барыша! И в самом деле, разве они занимаются чем-нибудь иным? Слышали вы их?

Кокбэр (растерянно). Что это вам вздумалось?

Леокади. Сударыня, ради господа бога, молчите. (Показывает ей знаками на инспектора.)

Госпожа Тулемонд (задыхаясь). Если бы я ожидала! Получить оскорбление здесь! И от кого?..

Алиса. От кого? Сейчас узнаете! Алиса Леруа, учительница из Арденн, муж мой убит на фронте, мать убита по дороге, дом разрушен бомбой..

Госпожа Тулемонд. Что же ты молчишь, Камиль? Ты позволяешь оскорблять Францию, твою жену, маршала!..

Леокади. Госпожа Леруа! Заклинаю вас!

Кокбэр. Хватит! Хватит! Пора кончаты!

Алиса (опять обращается к госпоже Тулемонд). Я, Алиса Леруа, француженка, плюю на вас! (Вся дрожа, она стоит против госпожи Тулемонд в середине сцены.)

Тулемонд (влюбленно). Что же ты хочешь, чтобы я сделал, мамочка?

Госпожа Тулемонд (возмущенно). Чего я хочу? «Ко мне, компаньон!» (Вытягивает по направлению к му-

жу руку в знак гитлеровского салюта.)

Тулемонд (испуганно бормочет и машинально отвечает тем же салютом). «Ф... Фр... Франция пр... прежде всего». Уйдем, мамочка!

Госпожа Тулемонд. Идиот!

Леокади (Алисе). Вы вне себя, милая!

Луиза (тянет Алису за руку). Берегитесь. Достаточно. Идем.

Алиса (отмахнувшись от нее, смотрит вокруг себя). Так я и думала! Никто и не шевельнулся.

Кокбэр. Госпожа Тулемонд, примите мои извинения. Мог ли я это предвидеть! Какая-то несчастная...

Госпожа Тулемонд (лихорадочно пересекает большими шагами бар; у входа берет под руку Камилля). Последний раз меня здесь видели! Вот что бывает, когда связываешься с людьми... копающимися в навозе... с нищими бродягами... анархистами... коммунистами...

Леокади. Ну, ну, госпожа Тулемонд, забудем этот инцидент!

Госпожа Тулемонд. Вы еще услышите

о нас!.. Идем, Камиль, когда же ты, наконец, выберешься отсюда! (Грубо его выталкивает и выходит, хлопнув дверью и прищемив ногу своему маленькому мужу.)

Сцена 4-я

Те же, кроме супругов Тулемонд.

Марсиаль (спускается в бар и берет Алису за руку). Очень смело! Но несколько неуместно!

Алиса (освобождаясь от его руки, с некоторой грубостью). Что «неуместно»? Очистить воздух? Почему вы молчали? Вы думаете я вас не заметила?

Марсиаль (улыбаясь). От гнева вы еще красивее.

Алиса (садится). Пожалуйста, оставим мою красоту. Довольно пошлости!

Леокади. Хорошеньких хлопот вы нам наделали!

Кокбэр (сердито). И нечего вам было и начинать, красавица!

Алиса (ледяным тоном). Я все поняла. (Поднимается). Сколько я вам должна?

Леокади (примирительно). Бросьте. Не принимайте же этого всерьез, милая!

Алиса (бросает деньги на стол). Получите! (Направляется к выходу.)

Марсиаль (дружелюбно претраждает ей дорогу). Оставайтесь, Алиса!

Алиса. Дайте мне пройти!

Марсиаль (ласково). Прошу вас!

Луиза. Ну, госпожа Леруа, оставайтесь же с нами!

Внезапно входят Ив и Жюло.

Сцена 5-я

Те же, Ив и Жюло.

Жюло. Вот и мы!

Луиза. Ив! Жюло!

Ив. Они самые! На свободе!

Жюло (заметив Марсиаля). Лейтенант! Вы здесь?

Марсиаль. Привет!

Инспектор тихо поднимается и среди общего молчания уходит. Кокбэрн возвращается к стойке, Леокади принимается за вязание.

Сцена 6-я

Те же без инспектора.

Кокбэр (подмигивает левым глазом). Так-то свободнее дышится.

Луиза (задумчиво). Почему он ушел? (Украдкой поглядывает на Алису.)

Жюло. Уж не мы ли вспугнули этого жеребца?

Ив (Марсиалю). Чорт возьми, лейтенант, нежданно-негаданно вы очутились здесь!

Марсиаль. Я вас тут и дожидался.

Жюло. Вы знали, что нас освободят?

Марсиаль. Я пристыдил адмирала за ваш арест. И чуть было сам не поплатился.

Ив (смеется). Ага! И вас тоже на замок?

Марсиаль (весело). И меня тоже!

Ив. Честное слово, лейтенант, мне это нравится!

Луиза (Леокади). Почему этот жеребец ушел?

Марсиаль. Алиса, позвольте представить вам двух хороших французов. А это госпожа Леруа, беженка из Арденн.

Ив (здоровается с тяжелою бретонскою вежливостью). Сударыня!

Марсиаль. Тоже патриотка! Голова у нее не менее горяча, чем у провансальцев.

Жюло (сейчас же откликается с большой сердечностью и дружески, отнюдь не развязно). Сударыня!

Моряки пожимают руку Алисе.

Ив. Пока что, лейтенант, нас, с вашего разрешения, здорово провели.

Марсиаль. Меня тоже.

Жюло (показывает на стенной календарь). Сегодня у нас двадцать шестое... Нельзя сказать, чтобы они проспали две недели... По целым дням подбрасывали к нам в тюрьму: с эскадры, с фортов! Пятьсот моряков и артиллеристов очутились в этих поганых камерах. Лучшие при этом! Все настоящие ребята!

Ив (обескуражен). Придется все начинать сначала.

Луиза (горько). С кем? Какими средствами?

Кокбэр. Ни капли горючего в цистер-

нах! Девять кораблей с пустыми трюмами, с разобранными машинами...

Алиса. Орудия списаны на берег...

Луиза. Среди рабочих арсенала то же самое. Среди самых активных.

Леокади. Как ты, например, бедная Лулу.

Ив (иронически). Ну, она-то не совсем случайная жертва!

Луиза. Как же это назвать, если не изменой?

Марсиаль (Алисе на ухо, весело). Вот вы все и узнали!

Жюло. Нам нельзя топтаться на месте, надо действовать. И дело пойдет. Оно уже идет! Ведь и русским год тому назад было очень не легко. А как они выбрались!

Алиса (Марсиалю, улыбаясь). Уши француженки умеют слушать.

Входят Патрис и Жежен в рабочих блузах

Сцена 7-я

Те же. Патрис, Жежен.

Жежен. Привет честной компании! Вот и мы!

Луиза. Как, Патрис? Вы здесь, в такое время?

Патрис. Выходит, что так! Пришла наша очередь!

Жежен. Полный расчет!

Алиса. Какая подлость!

Луиза (поблуднев). И вы тоже?

Жежен. Мерещится мне! Жюло? Ив? Руки выскочили из наручников!

Жюло. Как видишь, Жежен!

Ив. С головы до ног на воле.

Патрис. Очень горевали по поводу вас. Рад вас видеть, друзья! (Искоса смотрит на Марсиаля.) Можно говорить?

Жюло. Лейтенант Фромануар... Я тебе говорил о нем, Патрис... Это наш папень... с вашего разрешения, лейтенант.

Марсиаль. Пожалуйста! Лучшей рекомендации мне не надо.

Леокади. Значит, и вы, бедняги, прошли сквозь это?

Жежен (сильно). Ну, да, матушка Леокади! Все французы пройдут, пока им самим не надоест,— вот тогда они покажут.

Патрис. Полицейские коровы! Вызвали нас в дирекцию. Подобралась гам

коллекция жуликов! Здорово напортили воздух. Хладнокровнейшим манером нам предложили отправляться в Германию, к Гитлеру! Подумайте только!

Жежен. Дали нам двадцать четыре часа, чтобы сложить пожитки и покинуть здешнее заведение.

Патрис. Кому-то что-то показалось «нежелательным». Чувствуешь, Лулу? Это я-то, Патрис, нежелателен!

Ив. Когда нас освободили из-под стражи, человек, который командует там, в морской тюрьме, предложил нам вступить в какой-то легион... Эй, Жюло, как он называл эту чортову перечницу, свой легион?

Жюло. Адмирал Руа основал легион, как он говорит, «чтобы воевать в Африке с англичанами».

Ив. Вот-вот! «Легион озера Чад», как они его называют, эти суки!

Жюло. Захотали ему прямо в лицо. Он и не настаивал.

Жежен. Убежден, что они еще замышляют какую-то грязную махинацию!

Кокбэр. А тут еще этот мозгляк, комендант порта, издал постановление, призыв к населению эвакуировать город.

Марсиаль. Лучший способ сеять панику!

Алиса. Вчера рассказывали, что итальянцы уже пытались врасплох захватить город.

Луиза. Захотелось взять реванш за то, что их высекли в России.

Патрис. Какое счастье, что существуют русские!

Луиза. Что бы было, если бы не они!

Жюло. В скверные минуты вспоминаешь о русских, и веселее на душе.

Жежен. Как они здорово колотят фрицев! От одной этой мысли мне становится жарко!

Жюло. Лейтенант, пока мы с вами на свободе, надо кое-что предпринять. Не годится, если наш флот будет гнить на рейде и прямо из этой ловушки перейдет к бошам!

Жежен. Чорт бы их побрал! Вдруг какой-нибудь сволочной казус, чем мы на него ответим? Им удалось разгромить всю нашу организацию.

Входит Мари-Жанна, следом за нею — пехотинец, грязный, пропыленный, в рваной форме, и Роже.

Сцена 8-я

Те же, Мари-Жанна, солдат, Роже.

Марсиаль (показывая на вошедших). Смотрите, вот кто оживит нашу организацию.

Жюло. Один выбыл, десять на его место.

Ив. Лишь бы линия была верна.

Марсиаль (услышав это, оборачивается и говорит серьезно, мужественно и дружелюбно). Наша линия верна.

Патрис (Жюло). Хорошо разговаривает твой мичман, Жюло! Поглядим, как он будет действовать!

Жюло (Патрису). Работника узнаешь на работе, Патрис.

Марсиаль (берет за руку Мари-Жанну). Вот моя сестрица Мари-Жанна. Пускай она будет сестрой для всех нас. Она этого заслуживает.

Луиза (весело). Не надо столько слов, лейтенант. Дело уже сделано.

Марсиаль (удивлен). Вы знаете друг друга?

Луиза (смеется). Немного.

Мари-Жанна (весело). А ты думал, нас надо знакомить?

Жюло (Мари-Жанне). Привет, товарищ! Вот уже целую получку, как мы работаем с вашей сестрицей.

Марсиаль (Мари-Жанне). Ах, ты, обманщица!

Мари-Жанна. Что же мне дожидаться твоего разрешения?

Леокади. Друзья мои, вы ведь считаете себя не глупыми людьми, что же это вы собрались все в кучу, так что первый шпик, который войдет сюда, сразу сообразит, что это нивесть какие заговорщики. Помогите-ка мне накрыть стол по-хорошему, а Кокбэр поставит перед вами недопитые стаканчики, так, чтобы у вас был пристойный вид настоящих людей.

Жежен. Клянусь честью, вот золотые слова, мамаша Кокбэр!

Сни разлетаются, как стайка воробьев, и усаживаются за отдельные столики.

Кокбэр (порывисто). Ты меня срамишь, Леокади!

Общее удивление.

Чтобы я только разыгрывал гостеприимство? Перед патриотами? Да лучше я руку себе отрежу! Наступила очередь

хозяина, это моя очередь, ей богу,— в честь Франции, в честь храбрых, которые сражаются за нее, и здесь, и там, и где бы там ни было!

Жежен. Да здравствует хозяин Кокбэр!

Жюло. Гип! Гип! Гип!

Жежен. Мы с Патриссом как будто играем в домино.

Жюло. А мы с Ивом—как будто в картишки!

Мари-Жанна. А для солдатика, господин Кокбэр, необходим настоящий сэндвич, пожалуйста!

Леокади. Только без шума, друзья.

Во время последующих реплик Кокбэр прислуживает за отдельными столиками. Реплики перелетают через весь бар.

Мари-Жанна. Я подобрала этого беднягу, когда он уже чуть было не попал в лапы жандармов. Он пришел из Монпелье.

Общсе волнение.

Жежен. Из Монпелье? На своих на двоих?

Солдат утвердительно кивает.

Марсиаль (заинтересован). Вы

принимали участие в деле двенадцатого ноября?

Солдат снова утвердительно кивает.

Как же это произошло?

Солдат (медленно жует. Он говорит с известным усилием и тяжело, как молчаливый крестьянин. Все внимательно прислушиваются). Разбили на-голову. Очень просто. Сто бошей на одного. Только и было, что наши старые ружья с мобилизации. Да две жалких семидесятипятимиллиметровых... А у них танки. И все. Самолеты... Половина наших ребят отказалась итти. Говорят, — нет смысла дырять себе кожу, если не знаешь, за кого и за что.

Молчание.

Кончилось тем, что засели в виноградник. И всех оттуда выловили, как кроликов.

Молчание.

Генерал хотел застрелиться. А сам попал в плен.

Жежен. Как звать твоего генерала?

Солдат. Тассиньи. Генерал Тассиньи.

Марсиаль. Петэн предает его военному суду.

Жюло. Зачем же ты попал сюда, в это осиное гнездо, несчастный голыш?

Солдат. Шел в ту сторону, что не оккупирована, где нет бошей.

Алиса. У тебя же есть своя деревня, солдатик, отец с матерью, ферма...

Солдат. Там боши. (Одушевляется, не теряя при этом могучей и таинственной крестьянской медлительности.) Вы и не знаете, что делают боши. И что это за народ! Я провел несколько дней, прятался в квартале Старого Порта в Марселе. Вот наслушался рассказов!

Жежен. Каких рассказов? О чем рассказов, голыш?

Ив. Дай ему выложить все по порядку.

Солдат. Рассказов насчет бошей. Ведь и в Марселе полно всякими беженцами. Там и итальянцы, и испанцы, и австрийцы, и негры, и эльзасцы, и французы с севера, и моряки торгового флота, и арабы. Храбрые ребята, весь этот народ. У вас тут тоже храбрые ребята.

Кокбэр (после того, как он поднес угощение каждому, возвращается за свою стойку. Говорит вполголоса, конспиративным тоном и подмигнув). Эй, ребята! За Францию, ребята! За де Голля!

Марсиаль (так же). И за Красную Армию!

Все пьют в молчании.

Солдат (внезапно, следуя своим мыслям). Вы тут не представляете себе, какая беда по всей Франции и что такое боши. В Клермон-Ферране они взяли приступом казармы еще до побудки, забросали коридор гранатами и вышвырнули безоружных ребят в окно. В Лионе собрали всех ребят, вывели их во двор, а когда ребята вернулись, внутри не оказалось ни чемоданов, ни постельного белья, ни сырной корки на кухне, прямо скажешь, что это крысы все подчистили. И на складах нечего беречь от моли! Нечего беречь! В Марселе собрали всех офицеров, выстроили их перед орудиями, сначала разоружили, а потом немецкий полковник принес знамя полка и

на глазах у всех вытер знаменем сапоги. Это — не цивилизованный народ. Это выродки! Да, выродки.

Мари-Жанна (сквозь зубы). За все заплатят! За все заплатят!

Марсиаль. Что же говорит военный министр Виши Бриду? Ведь он предвидел все и ни одному гарнизону не сделал предупреждения, не отдал приказа.

Жежен. За все заплатят, лейтенант, по всем распискам и счетам!

Леокади (поднимается). Прежде всего надо сжечь эти несчастные солдатские лохмотья. Идем за мной, дружище. Там наверху найдется, во что тебя одеть.

Солдат (идет за ней). И здесь, как и в Марселе, — везде есть добрые люди! (Уходит вслед за Леокади.)

Сцена 9-я

Те же, без Леокади и солдата.

Патрис. А теперь, друзья, за работу!

Общее внимание.

Марсиаль (Роже). Ну, дружок, тебе необходимо найти своих приятелей-лице-

истов и преподавателей, которые работают с вами. Передай вот что...

Тихо входит инспектор полиции. Молчание. Игроки в карты и в домино погружены в игру, остальные — в чтение газет.

Сцена 10-я

Те же и полицейский инспектор.

Инспектор вразвалку пересекает бар. Облокачивается на стойку, вздыхает. Кокбэр ставит перед ним стакан и откупоривает бутылку.

Жюло. Двадцать два!

Жежен. Пустышка!

Ив. Тройка пик!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Номер в Тулонской гостинице.

Сцена 1-я

Фон Засс, фон Грунер, Алиса. Фон Засс и фон Грунер в штатском платье. Фон Засс за столом, делает заметки в блокноте.

Засс. Итак, кто же возглавляет заговор?

Алиса. Мичман Фромануар.

Засс. Имя?

Алиса. Марсиаль.

Засс. Характеристика?

Алиса. Молод. Экзальтирован. Чист.
При том благоразумен. Способен на известную хитрость.

Засс. Можно подкупить?

Алиса. Нет. Неподкупен.

Грунер. Парсифаль?

Алиса. Уже падший.

Грунер. Падший?

Засс. Да. (Показывает на Алису.) С нею. Продолжим — честолюбив?

Алиса. Пожалуй!

Засс (пристально глядя на нее). Кто же занимается им персонально?

Алиса. Эту часть поручения я оставила за собой!

Засс (саркастически и злобно). Грудную же часть!

Алиса (бесстрастно). Работа как работа!..

Засс (холодно). Берегитесь!

Алиса (невозмутимо). Могу я спросить господина адмирала, что под этим подразумевается?

Засс. Берегитесь чувств.

Алиса (презригательно). Это было бы в первый раз...

Засс. Каждый разведчик, начиная играть...

Алиса. Эти инструкции мне хорошо известны...

Засс. Прекратить служить у нас, значит получить билет немедленно, билет безвозвратный.

Алиса. Я не ребенок.

Засс. Продолжим. Итак, — участники заговора?..

Алиса. Слушаюсь. Сообщники имеются во всех экипажах, в арсенале и в фортах, среди молодежи и среди других слоев населения.

Засс. Можете дать списки?

Алиса. В скором времени.

Засс. На нашем языке «в скором времени» всегда означает «слишком поздно».

Алиса молчит.

Грунер. Приблизительно.

Алиса молчит.

Ответа нет?

Алиса (ни разу не взглянув ча

него). Правило службы — отвечать только начальнику, либо по его приказу.

Грунер. Очень хорошо. Отлично. Я сделаю проверку.

Засс. Отец мичмана? Адмирал?

Алиса. Принадлежит к числу людей, которые соглашаются с последним из говорящих.

Засс. Кто же у него сейчас последний?

Алиса. Это должно быть известно господину адмиралу...

Засс. Влияние сына на отца?

Алиса (презрительно). Старая французская семья: сердечность, сентименты...

Засс. А сестра?

Алиса. Очень опасна. Гораздо сильнее брата. Это иступленная. Она отравлена их «национальным объединением».

Засс. Цель движения?

Алиса. Принудить французский генеральный штаб предоставить флот англичанам.

Засс. Форма пропаганды?

Алиса. Пока ребяческая. Серьезная организация отсутствует.

Засс (презрительно). Французская работа!

Грунер. Если позволите вмешаться: перспективы?

Засс. Отвечайте, госпожа Гиддинс.

Алиса. По моему разумению, никаких. Сентиментальная болтовня. Воздушные замки.

Грунер. Возможно ли сопротивление, при известном стечении обстоятельств?

Алиса. Думаю, что нет.

Грунер. Это существенно.

Засс. Тем не менее надо задушить движение еще в зародыше. Что вы для этого предпринимаете?

Алиса. Мичман Фромануар и его непосредственное окружение, его агитаторы, оставлены в покое. Они служат нам приманкой. Французская полиция следит за моей работой и время от времени накрывает подозрительных.

Засс. Мне нужны они все — и без проволочек. Устраивайте, как знаете.

Алиса. Будет сделано.

Засс. Ваши сотрудницы, где они?

Алиса. Можно разрешить им войти? (По знаку фон Засса открывает дверь и зовет.) Бригада номер один!

Сцена 2-я

То же, Грета, Труда, Минна.

Две женщины молоды и милостивы. Одна — девица из пивной, другая — нечто вроде элегантной дамы полусвета. Третья — почтенная буржуазка.

Алиса. Бригада номер один.

Засс. Рапорт!

Грета. Номер сто сорок один. Грета.

Засс. Специальность.

Грета. Ужины и танцы в кафе резервистов.

Труда. Номер двести тринадцать. Труда. Девица из пивной у Манелика.

Минна. Номер шестьдесят. Минна. Жена офицера-летчика, скрывшегося в армию де Голля.

Все три отдают по-солдатски честь.

Грунер. Поздравляю! По внешности... по костюму... по типу... первоклассно.

Засс. Номер сто сорок один.

Грета. Произведена и закончена слежка за одиннадцатью офицерами эскадры и двадцатью семью зажиточными обитателями города. Заведено пять дел.

Засс. Арестовано?

Алиса. Пятеро.

Засс. Мы еще вернемся к ним. Номер двести тринадцать.

Труда. Клиентура среди унтер-офицеров, моряков, комми-вожатеров, отпрысков известных фамилий. Агитируют во всю. Заведено двадцать восемь дел.

Засс. Арестовано?

Алиса. Двадцать пять человек.

Засс. Откуда эта разница?

Алиса. Трое отсутствуют, успели покинуть город. Но дано знать в гестапо.

Засс. Номер шестьдесят!

Минна. Я посещала квартиры в поисках комнаты и с некоторых пор живу на полном пансионе в семье—на улице Пико. Заведено тридцать одно дело.

Алиса. Арестован тридцать один человек.

Засс. Пусть войдут остальные бригады. Я дам общие инструкции.

Алиса (открывает дверь и зовет). Бригады номера от двух до семи!

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Там же, где вторая картина. Ночь. Слабый электрический свет, как в затемненных городах.

Сцена 1-я

Входят Жожо, Луиза, с ними солдат. Штатский костюм заметно широк ему.

Жожо (взволнованно). Понимаешь, этот малый Роже говорит мне: «Проводи этого парня и спрячь хорошенько!» Привожу его к себе, и что вижу? Шпион у моих дверей. Кто же это мог нас выдать? Верь моим словам: та шлюха... Ей нельзя доверять.

Луиза. Кто? Алиса?

Жожо. Ваш лейтенант помешался на ней. Она дорого нам обойдется! Кто нас выдал, спрашиваю я тебя? Так вот, вижу я шпика и тихонько поворачиваю назад, а уж мой бедняга еле плетется, снытывается на каждом шагу. Иду к большой Амели,— она-то девушка верная, чиста, как стеклышко. А у нее гость, не может принять моего солдатика. Вот нам и приходится гулять по улицам. Да молить Пречистую деву, чтобы не повстречал нас патруль.

Солдат (опустился на край скамьи, наполовину спит. Хрипло.) Который час?

Жожо. Мне-то откуда знать? Мои часы давно испорчены.

Луиза (посмотрев на свои часы). Скоро четыре часа.

Жожо (мягко). Хочешь есть, бедняга? Хочешь есть и спать?

Солдат (зевая). Ладно уж. Раньше я хуже голодал, чем сейчас... и спать больше хотел... (Засыпает.)

В то же мгновение возникает и постепенно становится явственным далекое, глухое грохотанье.

Луиза (беспокойно). Что это?

Жожо. Не понимаю. Что это может быть? Эй! (Трясет солдата.) Смотри-ка, он заснул! (Совершенно умилилась.) Эй, ты ведь разбираешься в военных штуках... Что это там такое, слышишь?

Солдат (зевая). А мне откуда знать? Это... (слушает) это танки... Танки и самолеты... тяжелые... (Опять засыпает.)

Луиза. Танки. Самолеты. Так, значит... Так значит, они вошли.

Страшное гудение тяжелых бомбардировщиков на бреющем полете нарастает, покрывая далекий и монотонный грохот танков, проходит над самой сценой и удаляется по направлению к порту. Вдали несколько глухих взрывов с промежутками.

Луиза (сбрасывает шаль с головы, почти крича). Они! Подлецы! Еще раз мы преданы! Они отдали наш флот!

Жожо. Что же это такое? Они бомбят корабли...

Луиза (в отчаянии). Бомбят наш флот! Нельзя оставаться здесь!

Жожо. Здесь боши! Эй, проснись, солдатик!

Луиза (лихорадочно). Нельзя ждать здесь. Надо присоединиться к нашим.

Вдалеке одинокий, без продолжения сухой треск орудий.

Солдат (просыпаясь). Ну, что там еще?

Жожо. Еще спрашивает! Уши тебе склеило, что ли, или совсем одурел! Боши, говорят тебе! Боши сюда вошли!

Луиза. Загнали, как крыс в крысоловку!

Еще один глухой и далекий взрыв. С этого момента возникают крики, призывы, гул просыпающегося города. Очень далекий звук труб, повторенный где-то еще дальше. Все это аккомпанирует последним репликам.

Солдат (вскакивает на ноги).
Боши! Чорт бы их побрал!

Луиза. Идем! Идем!

Жожо (порывисто). Ага! Все я теперь поняла! Эта женщина, Лулу, эта девка — понимаешь! этот навоз — немецкая шпионка!

Более близкий и очень короткий оружейный залп.
Все трое быстро уходят.

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Рабочий кабинет — каюта адмирала Фромануара, та же, что и в начале пьесы. Ночь.

С ц е н а 1-я

Адмирал Фромануар.

Звуки, сопровождающие конец предыдущей картины, не прекратились, они продолжают нарастать, создавая впечатление неумолимой мощи. Еще до открытия занавеса слышен сумасшедший звонок телефона. Каюту слабо освещает ночник.

Фромануар (полураздетый за ночь, быстро выходит из своей спальни, останавливается на несколько секунд, чтобы прислушаться, и подбегает к телефону.) Алло! Кто у телефона? Да... Я слушаю... Нападение на эскадру? Бомбардировщики? Этого надо было ждать! Чьи! Английские и американские?.. (До этой минуты говорил спокойно. Голос невольно повышается, как только он услышал ответ на последний вопрос.) Как? Что вы говорите? Немцы?.. Но это невозможно! Невозм... Невероятно! Значит, нас обманули?.. Немедленно бить тревогу на всех кораблях!.. Открыть огонь по всем самолетам над портом и рейдом!

Звонит второй телефон.

Нет, не наблюдать! Исполнить! Немедленно! Понятно? (Вешает первую трубку, берет вторую.) Да, это адмирал Фром... Как! Занята запретная зона? Колонны танков?.. Немецких? Нападение на город? Бой на улице? Пер-

вые танки неприятеля на Кронштадтской набережной? Форты взорваны...

Звонит еще один телефон.

Хорошо! Держите меня в курсе событий! (Берет третью трубку.) Контр-адмирал Базир на борту? Хорошо. Сейчас же проводите ко мне. (Вешает трубку, подходит к стене, зажигает свет. Видно, что он постарел, изнурен. Подходит к нестораемому шкафу, открывает его, вытаскивает оттуда папку, вытряхивает большой запечатанный конверт. Вскрывает его и, быстро пробежав глазами написанное, одобрительно кивает. Подымает глаза на портрет маршала, лицо его морщится. Подходит к раме и поворачивает ее лицом к стене. Проводит рукой по щекам — они дергаются, мокрые от пота. Он еще раз перечитывает инструкцию из секретного шкафа, вздрагивает, как от ледяного озноба, смотрит мгновение на портреты своих детей, решительно подходит к

первому телефону. Говорит спокойно и твердо.) Это адмирал Фромануар...

Стучат.

(Кричит.) Войдите! (Снова говорит в трубку.)

Моряк-вестовой вводит Базира, маслянисто улыбающегося и веселого. Гул танков и самолетов нарастает. Ружейные и орудийные выстрелы не прекращаются.

Сцена 2-я

Фромануар, Бафир.

Продолжая говорить по телефону, Фромануар жестом приветствует Базира и приглашает его сесть.

Фромануар. Говорит адмирал Фромануар. На основании полномочий, предоставленных мне главой государства, и на основании особого министерского указа от первого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, которым предписывается командующему флотом топить свои корабли, дабы они не попали в руки неприятеля, приказываю произвести...

Базир (вскакивает со стула и подбегает к Фромануару). Адмирал!.. Адмирал!..

Фромануар (возвышает голос). ..Приказываю немедленно потопить все корабли, состоящие под моим командованием... Спустить на берег все экипажи... На борту остаются только бригады по взрыву судов...

Базир (цепляется за руку Фромануара и пытается оторвать трубку от его рта). Адмирал! Я не разрешаю. Мои инструкции... Не разрешаю...

Фромануар (сильно отталкивает его свободной рукой и продолжает говорить в телефон). В случае попытки захвата корабля или абордажа со стороны неприятеля, сопротивляться до последнего матроса и взорвать себя только вместе с нападающими, но флага не спускать...

Базир (старается перекричать). Адмирал!.. Это преступление против Франции!.. Вы ответите перед маршалом!

Фромануар (та же игра, громовым голосом). Понятно? Сейчас же передать на все корабли по телефону, по

радио и световыми сигналами, и донести мне...

Базир (давясь от ужаса). Адмирал! Адмирал!

Фромануар (в телефон). Доставить мне, как только будет готово, стенограмму приказа для подписи... (Вешает телефонную трубку, оборачивается и подходит к Базире, который в страхе отступает.) А теперь мы друг против друга... (презрительно.) Базир!

Базир. Адмирал, немедленно отмените приказ о потоплении кораблей!

Фромануар. Кто вам разрешил? Что это за тон?

Базир. Я имею право говорить так, как говорю! (Лихорадочно вытаскивает из кармана бумагу.) Официальное письмо министра, подписанное также председателем Лавалем, Я привез вам формальный приказ маршала не оказывать ни малейшего сопротивления немцам. Сейчас же позвоните. Отмените приказ, пока еще не поздно!

Фромануар (очень спокойно). Покажите-ка письмо. (Берет письмо, садится за стол, вооружается

очками и бесконечно долго читает документ.)

Базир (льстиво изгибаясь). Адмирал!.. В таких обстоятельствах секунды — это века! Министр, господин Лаваль... маршал... все трое поручили мне сообщить вам свою совершенно ясную волю... Ради самого господа, позвольте мне позвонить.

Фромануар (угрожающе). Базир, если вы тронете телефон, хотя пальцем...

Опять волна самолетов и взрывы.

К тому же ваши приятели упрощают вопрос.

Базир. Адмирал, во имя маршала, которого вы чтите, которого мы оба...

Фромануар. Французского правительства больше нет. Есть Виши, и в нем немцы. А маршал нас обманул.

Базир (яростно). Ах, вот как! Вы сбросили маску! Господин Лаваль справедливо подозревал ваши чувства... Отсюда и письмо, привезенное мною... (Сильно.) Теперь я здесь командую! (Подходит к телефону.)

Фромануар (подымается, складывает письмо и возвращает

его Базиру). В полном порядке. Помните Тартюфа, господин Базир? «Мне дом принадлежит, а вы ступайте вон!» Только, мошенник, слишком поздно. Слушай, предатель. Хорошенько слушай!

Воздух разорван взрывом достаточно близким, отблеск его освещает комнату.

Это «Страсбург». Остальное не за горами.

Множество других взрывов. Один сильный и очень близкий, другие дальше и глуше. Врывается нестройное пение «Марсельезы».

Теперь можешь звонить, кому угодно! (Иронически показывает ему на телефон.) Но, выслушай еще вот что, ничтожество. Вся морская мощь Франции, двести миллиардов народного достояния, сотни храбрых моряков пойдут ко дну. Почему? Потому что я, адмирал Фромануар, был настолько глуп, что не прислушался к голосу моряков, к голосу собственных детей... и поверил слову чести маршала Франции, Филиппа Петэна... Эх, все становится ясным сейчас: и знаменитое «духовное возрождение» маршала и трогательные «нравствен-

ные страдания», и конфиденциальные послания!.. Вся эта грубая, пошлая ложь!

Базир. Я не позволю оскорблять маршала!

Фромануар. Да ну, приятель, какое там оскорбление! Для таких людей оскорбление — слишком высокая честь. Лаваль и Петэн — два браконьера. В открытую соскребавают остатки. Один забирает к себе в невод рыбину покрупнее, другой — помельче — вот и все. Если бы я не был так наивен, стояли бы мы сегодня в Алжире, а страна сохранила бы свой флаг.

Опять взрывы. Хор становится все мощнее.

Слушай, это «Марсельеза». Еще вчера мы ее ненавидели. Презренный гимн республики... Сегодня он принадлежит Франции. Снова и снова! Они поют перед гибелью... Пением своим, гибелью своей они амнистируют адмирала. Вот почему, вопреки мне, вопреки тебе Франция будет спасена. Из бездны глубочайшего позора поднимается честь Франции. «День нашей славы настает». (Хватает его за шиворот.) Пой, Базир, пой тоже! Пой и ты! (Подхватывает во весь голос.)

Вперед, сыны отчизны милой!
День нашей славы настает!
К нам тирания черной силой
С кровавым знаменем идет...
К оружию, граждане!..

Ослепительный блеск, страшный взрыв, после
которого свет гаснет.

З а н а в е с

Вплоть до открытия занавеса не прекращаются
шум битвы, грохот взрывов, далекие трубы, гул
самолетов, отдаленное пенье «Марсельезы».

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кронштадтская набережная в Тулоне, около ба-
ра Кокбэр. Ночь. Под отблеском ближних и
дальних взрывов мгновениями видны военные
корабли, стреляющие из всех орудий. На вто-
ром плане — машина крейсера.

С ц е н а 1-я

П а т р и с. Ж ю л о, И в.

Выкатив орудийную батарею, наполовину укры-
лись с ней за рыбной лавчонкой и ждут в пол-
ной неподвижности.

Патрис. Слышишь, как моряки поют
«Марсельезу»?

Ив. По-твоему, с какой стороны при-
дут боши?

Вбегает Ж е ж е н.

Сцена 2-я

Те же и Жежен.

Жежен (возбужденно). Они уже на площади Святого Рока и на площади Свободы. Другая колонна вошла через Ноэль-Блаш. Форт Креста защищается и стреляет. Форт Малька взорван.

Жюло (спокойно). Через Род они идут на Мурильон.

Ив. Не пройдет и пяти минут, они будут здесь.

Патрис (спокойно). Все готово?

Ив (спокойно). Все.

Внутри бара зажигают свет, освещающий набережную. Дверь открывается, и оттуда выходит Кокбэр без пиджака, он несет корзинку с бутылками. Следом за ним Леокади, в капоте и папильотках.

Сцена 3-я

Те же. Кокбэр, Леокади.

Жежен. Ага, папаша Кокбэр!

Патрис. Уходите, матушка! Тут вам не место. Папаша Кокбэр, уведите-ка свою супругу.

Кокбэр. Да я же без конца ей твержу

то же самое. Попробуйте убедить в чем-нибудь женщину.

Леокади. Лучше бы ты предложил им выпить, бедняги, идут драться насмерть.

Кокбэр. Прошу, друзья! Это лучшее Божолé в моем погребе... Так оно не достанется бошам!

Патрис. Молодец Кокбэр!

Леокади. Прошу, друзья! Прошу вас, выпейте перед боем. (Снимает с подноса стаканы и раздает.)

Кокбэр (разливает из бутылки).
Последнее из запаса, друзья! Настоящее французское солнце, чтобы согреть душу!

Жежен. Ваше здоровье, папаша Кокбэр!

Быстро входят Луиза, Жожо и солдат.

Сцена 4-я

Те же, Луиза, Жожо и солдат.

Луиза (задыхается). А я-то верила, что они никогда не придут!

Жожо. Что нового?

Луиза. Боши повсюду,— на Страсбургском бульваре, на Военной улице, у Итальянских ворот!

Солдат. Орудие? Здорово! Знакомая игрушка! Ну-ка, пустите. Теперь моя очередь, ребята! (Устраивается у орудия.) Кто меня снабдит боеприпасами?

Ив. Я.

Солдат. Снаряды-то есть у тебя?

Жюло (выдвигает ящик). Вот они.

Солдат. И это все? Не богато.

Жожо. Дай-ка мне!

Солдат. Тебе? Зачем это?

Жожо. Да не вмешивайся, студень! Это мое дело.

Солдат. Дай ей гранату.

Луиза. И мне тоже.

Кокбэр. Объясните мне, как действовать!

Патрис. Да очень просто. Сначала так, а потом вот так,— и бросай, не теряя времени. Как русские под Сталинградом.

Кокбэр. Понятно.

Жюло (распределив гранаты). Все. Больше нет.

Солдат. Сколько у тебя приготовлено снарядов?

Ив. Тебе хватит. Но вот ручных гранат маловато.

Патрис. Главное, бросать, не теряя времени. А то она взорвется в руках.

Вбегают Мари-Жанна и Роже в сопровождении нескольких юношей. У каждого из них за плечами тяжело нагруженный туристский мешок.

Сцена 5-я

Те же, Мари-Жанна, Роже, несколько лицейстов.

Мари-Жанна. Как я боялась, что опоздаю!

Жюло. Мари-Жанна! Мари-Жанна!

Патрис. Мари-Жанна!

Луиза. Мари-Жанна! Как хорошо, что вы здесь!

Теснятся около нее и пожимают ей руки.

Мари-Жанна. Привет, Патрис! Привет, Луиза! Привет всем! Не задушите меня! Здравствуйте, товарищи! Разве не среди вас мое место? Неужели вы сомневались?

Леокади. Здравствуй, дочка! Не время заниматься упреками.

Мари-Жанна. Ну, надо спешить! Куда бы мне примоститься с пунктом скорой помощи?

Кокбэр. Зайдите в бар, Мари-Жанна. Там вы найдете горячую воду — я вскипятил для кофе.

Мари-Жанна (входит в бар). Спасибо.

Леокади. Сейчас я приду к вам.

Сцена б-я

Те же, кроме Мари-Жанны.

Роже. Со мной несколько ребят из лица.

Патрис (иронизирует). Уж не в экскурсию ли собрались молодые люди с рюкзаками?

Роже. А ну-ка, покажем, что у нас в мешках!

Они сбрасывают и развязывают мешки.

Жюло. Гранаты!

Жежен. Ручные гранаты!

Солдат. Здорово! В самый раз!

Роже. Да, это гранаты из небольшого немецкого склада по дороге в Бриньель.

Патрис. Когда же это вы ухитрились? Никто и не знал...

Роже (краснеет). На прошлой неде-

ле. Да стоило ли рассказывать! Это так, упражнение лицейстов, для подготовки...

Жюло. Правильно, так и надо работать!

Леокади. Вот вам и молокососы!

Солдат. Не оставайтесь на мостовой. Вас подстрелят как уток. Ты, длинный, встань за выступ, а ты — сюда, под арку, а вы двое с мешком — сюда! Хозяин с хозяйкой, немедленно в бар, заберите запасные гранаты.

Взрыв. Очень далекое пенне «Марсельезы»!

Жюло. Слышите? Должно быть это «Дюплэ» взлетел на воздух!

Ив. А это «Верден».

Жежен. Слышите «Марсельезу»?

Леокади (раздает вновь пришедшим стаканы). Пейте, молодцы! Пейте, ребяташки!

Входит строевым шагом взвод моряков в боевом снаряжении, с ними — Марсаль, тоже в боевом снаряжении, в одной руке у него пистолет, в другой — электрический фонарь.

Сцена 7-я

Те же, Марсиаль, моряки.

Марсиаль. Взвод! Смирно! Вольно!..

Взвод выстраивается в глубине.

Жюло. Ага, вот и лейтенант!

Марсиаль. Вы здесь, друзья? Отлично. Так я и думал. Мы защищаем главный вход в Арсенал. Делаешь, что можешь. Если не сможете держаться, подавайтесь к нам.

Ив. Что нового, лейтенант?

Марсиаль. Триста бошей поднялись на борт «Кольбера», но корабль взлетел на воздух вместе с ними. Ни один не спасся.

Жожо. Ого! Это здорово!

Леокади. Как тяжело уничтожать эти чудесные корабли, да еще самим, в ночной темноте!

Марсиаль. Куда более лестно драться в открытую, рядом с союзниками!

Жежен. Делать нечего! Выбора у нас нет! Где стоишь, там и дерешься, лейтенант!

Марсиаль. Мы так и поступаем. В этом вся наша доблесть. (Замечает Роже в луче своего фонарика.) И ты

здесь, лицеистик? Кислую физиономию соорил бы твой папаша-ювелир, увидав тебя с нами. Ну, что ж! Молодец! Значит вот она, «встреча воинов!»

Роже. Тут со мною несколько лицеистов из нашей группы. Подбросили вам немного гранат.

Марсиаль. Вот это замечательно. (Направляется к морякам.)

Луиза. Желая удачи, лейтенант.

Кокбэр. Да здравствует боевой флот!

Леокади. Предложил бы им выпить, Кокбэр!

Марсиаль. Некогда, матушка, спасибо. После боя... если придется...

Леокади. Придется!

Из бара выходит Мари-Жанна.

Сцена 8-я

Те же, Мари-Жанна.

Марсиаль (уже готов уйти, но заметил сестру). Мари-Жанна!

Мари-Жанна. Мальчик!

Бегут друг к другу и обнимаются.

Марсиаль. Что ты здесь делаешь?

Мари-Жанна. А ты?

Марсиаль. Исполняю свой долг.

Мари-Жанна. Я тоже.

Марсиаль. Правильно. Храни тебя бог, дорогая. Увидимся ли?

Мари-Жанна. Желаю удачи, Марсиаль! Ну, ступай, голубчик, прощай, дорогой! Иди!

Солдат. Прошу вас войти в кабачок, хозяин, ясно вам сказано?

Марсиаль. Прощайте, друзья! Желаю вам удачи. (Морьякам.) Налево кругом!

Марсиаль и его взвод быстро уходят.

Кокбэр. Слыхала приказ, Леокади? Ну, идем.

Кокбэр и Леокади входят в бар. Дверь туда открыта и происходящее внутри все время видно.

Сцена 9-я

Патрис, Жежен, Жюло, Ив, солдат, Роже, Мари-Жанна, Луиза, Жожо, лицеисты.

Патрис. Женщины, тоже извольте в бар!

Жожо. Вот еще! Ты кто такой, чтобы здесь командовать? Раз мой лиценст тут, значит мое место рядом с ним.

Патрис. Лулу, прошу тебя!

Луиза. Отсюда лучше бросать гранаты.

Приближается гул танков.

Жежен. Вот они! Внимание!

Патрис. Потушить свет в баре! Мари-Жанна, войдите тоже внутрь.

Свет в баре тухнет. Темнота неполная благодаря отсветам пожара на рейде. Мари-Жанна спряталась за выступом, образованным входом в бар.

Солдат. Спокойно! Пускай они поближе подойдут, тогда и начнем действовать!

Гул танков вдруг стихает. Появляется несколько немецких солдат-пехотинцев с пулеметами.

Сцена 10-я

Те же, немецкие солдаты.

Немцы благоразумно крадутся вдоль стен. Со стороны защитников полное молчание.

Солдат. Огонь!

Орудийный выстрел. Брошено несколько гранат. В темноте стоны.

Немецкие голоса. Доннерветтер! Ахтунг!

Стук сапог все дальше и дальше. Раненые немцы ползут в беспорядке, ища прикрытия, стонут.

Патрис. Полагаю, что полегло их порядочно.

Солдат. Следует ответный удар, внимание!

Из-за кулис на защитников падает сильный луч электрического света. Видны два немецких трупа.

Леуь на землю!

Немецкий голос. Фейер!

Греск немецких пулеметов. Ответ французского орудия и гранат. Крики смятения. Луч исчезает.

Патрис. Все целы, ребята?

Солдат. Наверняка есть раненые.

Жожо (з о в е т). Роже, где ты?

Жюло. Да тише вы там!

Луиза. Тишина!

Снова нарастающий и приближающийся гул немецких танков. Шарит прожектор из-за кулис. Французское орудие стреляет. Отблеск пожара все ярче.

Солдат. Вот дьявол! По его броне только скользит!

Вдруг показывается Роже. В руках у него связка гранат.

Роже. Предоставьте его мне! Предоставьте мне танк. Он мой!

Пересекает площадь, так и не пойманный прожектором.

Стрельба из танка.

Патрис. Молодчина мальчик!
Жожо. Роже! Роже! (Вопль.)

Грозный взрыв. Крик. Проектор тухнет.

Луиза. Сделал-таки! Добрался!

Жежен. Взорвал танк!

Жюло. Как в Мадриде!

Жожо. Роже!

Мари-Жанна (подбегает). Сейчас
иду!

Внезапно с другой стороны треск другого приближающегося на полной скорости танка.

Солдат. Обошли!

Патрис. Отступай, друзья! Соединимся у Арсенала!

Жюло. К Арсеналу!

Жожо. Роже! Роже!

Пронзительный вопль.

Луиза. Их нельзя оставить...

Солдат. Назад! За мной! Поздно!

Голос Мари-Жанны. Я его нашла! Он еще жив!..

Она снова показывается, несет Роже. Он без сознания. В тот момент, когда загорается проектор нового танка, все остальные скрываются.

Прожектор ярко освещает Мари-Жанну и Роже. Раздается пушечный выстрел. Ему отвечает долгий крик. Мари-Жанна падает. Танк показался из-за кулис и останавливается. Жожо, не последовавшая за своими товарищами и прятавшаяся за прикрытием, приближается к Мари-Жанне. В свою очередь она тоже попадает в луч прожектора. В тот момент, когда она уже близко от тел, распростертых на земле, из темноты вырастают А л и с а и и н с п е к т о р. Алиса, невидимая Жожо, показывает знаком на нее инспектору. Тот бросается к девушке, чтобы взять ее.

Сцена 11-я

Жожо, Алиса, инспектор, на земле —
Мари-Жанна, Роже.

Жожо (защитаясь). Ага, вот и ты! Человек, которого всегда ждешь! Пустить меня!.. Роже!

Инспектор ударил ее резиновой дубинкой. Девушка поникает. Алиса как бы режиссирует этой короткой сценой. Помогает инспектору унести Жожо. Дверца танка остается открытой. Оттуда спускаются фон Засс, Польверелли, фон Грунер в полной форме. Среди общего молчания прежние звуки остаются.

Сцена 12-я

Фон Засс, Польверелли, фон Грунер, Леокади.

На земле бездыханные, в крови Мари-Жанна, Роже и несколько немецких солдат. Три офице-

ра стоят рядом, с биноклями в руках, лицом к порту и силуэту огромного крейсера, который все более явственен в свете пляшущего и непрерывно нарастающего зарева. Ле о к а д и; крадучись, выходит из бара и приближается к простертым Мари-Жанне и Роже.

Польверелли (нервно). Полагаю, что мы явились слишком поздно.

Засс. Кто же мог предвидеть такое сопротивление?

Грунер. Французские свиньи!.. Неисправимы!

Польверелли. Однако вы полагались на заверения Лавалья..

Засс. И Лавалья и Петэна!.. Приняты были все меры к тому, чтобы нам был предоставлен в сохранности весь французский флот!

Польверелли (в бешенстве). Провалялась еще одна наша комбинация.

Засс (свирепо). Довольно, господин Польверелли! Сказано вам: довольно!

Польверелли. Лаваль не может заставить повиноваться себе даже Генеральный штаб!

Далекая вспышка. Глухой взрыв.

(Бешено кричит.) Еще один взлетел на воздух!

Вдали с разных сторон возникает пение «Марсельезы». Оно разрастается вплоть до конца картины.

Засс (грозит кулаком). За все заплатят! За все заплатят кровью и слезами! Гиммлер и гестапо постараются прояснить нам эту картину!

Грунер (показывает на крейсер). Что это за крейсер?

Засс. Судя по силуэту, «Дюнкерк».

Грунер. Значит еще не все потеряно. Полагаю, один из лучших у них...

Засс. Один из лучших кораблей в мире!

Польверелли (предельно возбужден). В таком случае, сейчас же на борт! Чего мы, собственно, ждем?

Засс (свистит в привешенный на груди свисток). Я тоже так полагаю. Но незачем из-за этого впадать в истерику.

Входит **Никнель** в полной форме и застывает.

Сцена 13-я

Те же, **Никнель**.

Засс. Немедленно найти вельбот, моторную лодку, все, что угодно, и доставить нас на борт «Дюнкерка».

Леокadia, склонившаяся над телами, приподнимает Роже, чтобы унести его в бар.

Никнель. Приказание было предусмотрено. Лодка ждет с заведенным мотором.

Польверелли (рычит). Слишком поздно! Смотрите! Слишком поздно! «Дюнкерк» взорван!

Медленно возникает зарево, и, как бы погребая «Дюнкерк», величественно закутанный дымом, удваивается багряная яркость пожара. Слышен глухой взрыв, подобный раскату грома. Все четыре офицера сначала оцепенели от неожиданности, но тут же впадают в бешенство, топают ногами, простирая руки к ускользающей от них добыче, завывают, кричат, раздражаются немецкими и итальянскими проклятиями. Мощное, властное ление «Марсельезы».

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение Военно-морского суда в Тулоне. На стене календарь: десятое февраля тысяча девятьсот сорок третьего года. В углу комнаты—ширма. В окне — порт, рейд, город. Яркое солнце.

Сцена 1-я

Зигмунд, Зигфрид, Луиза, Жожо.

Луиза и Жожо в ручных кандалах примостились рядом на стуле. Оба немца в крайнем возбуждении увиваются вокруг женщин, как мухи, липнущие к куску говядины.

Зигфрид (Жожо). Почему ты не хочешь быть милой со мной, с честным немецким солдатом Зигфридом?

Зигмунд (Луизе). О, если бы ты хотела быть ласковой со мной, с твоим маленьким, нежным Зигмундом!

Зигфрид (Жожо). Я могу аккуратно вынуть документ из твоего дела, хорошенькая французская женщина!

Зигмунд (Луизе). Я могу быстро,

быстро подготовить побег, моя маленькая французская дама!

Зигфрид. И тогда, о, ты увидишь, как мы заживем, ты и я! Ты будешь делать свое ремесло, я — тебя защищать, и мы оба делиться и, — ого! — ласкать друг друга!

Зигмунд. После войны мы оба вместе — в Южную Америку и там — ого! — красивые французские женщины много получают!

Жожо. Не подходи, стервец, нето получишь!

Зигфрид (смеется и неуклюже топчется вокруг нее). Когда ты такая злая, ты еще красивее! О!

Луиза. Лучше умереть, чем прикоснуться к тебе!

Зигмунд (смеется и приплясывает). Ой, ой, хорошо! Я читал в книге: раньше ненависть — потом большая любовь!

Жожо и Луиза отступают к стене, чтобы избежать прикосновений немцев, при этом стулья падают, и обе пленницы остаются стоять рядом, прижавшись к стене, лицом к лицу со своими мучителями.

Жожо (вполголоса Луизе). Так

не годится! Вот посмотри, как я его отделаю. Пусть только посмеет тронуть.

Оба немца совещаются в углу, потом снова подходят. Они тянутся к своим пленницам, жадно растопырив руки.

Зигфрид. Хорошо! Мы понимаем. Вы желаете иметь серьезную гарантию...

Зигмунд. Мы вам даем все коммерческие ручательства!

Зигфрид (Жо-жо). Но прежде всего маленький аванс под контракт. (Хочет обнять ее.)

Жо-жо. На, получай! Мразь! Вот тебе! (Из всех сил бьет его ногой в низ живота.)

Зигфрид с воплем падает на пол, извиваясь от боли.

Зигмунд (смертельно испугавшись). А, чертовка! (Подбегает к Зигфриду.) Не ори. Слышишь?

Жо-жо (Луизе). Ну, что? Видела?

Луиза. Здорово! Метко!

Зигмунд (взбешенный, подбегает к Луизе, замахивается). А вы... вы... французские суки, подождите только!

Зигфрид (на полу). Ой, ой, ой!

Луиза (Зигмунду). Попробуй, по-
дойди, скот!

Зигмунд, испугавшись, что удар может быть повторен, вдруг останавливается в нерешительности.

Жожо. Что, действует, сутенер!

Зигфрид. Ой, ой, ведьмы французские!
Ох!

Зигмунд. Молчи, сказано, молчи!

Дверь резко отворяется, входит лейтенант
Никнель.

Сцена 2-я

Те же, лейтенант **Никнель**.

Зигмунд стоит навтыжку. **Зигфрид** все еще на полу, пытается привстать и отдать честь.

Никнель. Что это? Что за шум? А, понимаю! (Медленно, угрожающим тоном.) Понимаю... Господа решили по-развлечься с француженками... (Вдруг заорал.) Встать!

Зигфрид сразу оказывается на ногах, но все еще не может разогнуться.

Вон отсюда!

Оба стоят лицом к дверям. **Никнель** выталкивает их ударом сапога в зад.

Чтобы я вас не видел, скоты!..

Сцена 3-я.

Лейтенант Никнель, Луиза, Жожо. Никнель закрывает за ними дверь, обе женщины в прежней позе стоят, прижавшись к стене.

Никнель (направляясь к ним, развязно). Простите, сударыни. Вы сами видите — это хамье, никакого воспитания. Сейчас я все приведу в порядок. (Поднимает стул.) Прошу вас, садитесь.

Они отказываются жестами.

Как вам будет угодно... (Садится верхом на стул.) Вы сейчас, надеюсь, убедитесь, что имеете дело со мной... с благородным человеком. (Вынимает тонкий батистовый платочек с кружевами и обмахивается.) Вам нравится? (Показывает платок.) «Найден» в Париже... Сувенир! Сувенир! У меня их несколько дюжин... Хватит каждой из вас... Для начала. Слушайте внимательно. Меня давно привлекает одна идея, лучше сказать — мечта. Открыть дом... дом веселья. Хорошо поставленный. Есть подходящее место: ваш Лазоревый берег... Как там упоительно! Как очаровательна ваша страна! Как она нравится нам, ваша

тычет горящим концом папиросы ему в лицо. Он обжигает себе губы, отскакивает назад и торопливо подносит платок к губам. Воет. А-а-а!.. Она обожгла меня. Шлюха тулонская!

Хочет броситься на нее. Жожо выплевывает папиросу ему в лицо.

(Снова отступает.) Заплатишь мне за это, мерзавка! Обе заплатите за это! ((С злобной иронией.)) Они, видите ли, гордые французские женщины... (Хватает стул, левой рукой прижимая платок к обожженным губам.) Презирают победителя! (В ярости.) Меня!.. Честного германского солдата!

Дверь открывается. Входят фон Засс и Польверелли. Никнель вытягивается в струнку, в левой руке стул, платок он держит в зубах.

Сцена 4-я

Те же, фон Засс, Польверелли.

Засс (ледяным голосом). Что с вами, лейтенант? Припадок? Что означает вся эта бутафория?

Никнель заглатывает платок.

Вы решили устроить спектакль для этих дам?

Никнель ставит стул на место.

Жожо. Слушайте вы, сухопутный моряк, долго вы еще будете тянуть ваше следствие?

Луиза. Если хотите расстрелять нас — расстреливайте, и дело с концом.

Жожо. Вот уже два месяца, как вы разводите эту канитель. Хватит с нас! Надоело!

Засс (сухо). Лейтенант Никнель! Извольте убираться отсюда и очистить помещение. (Указывает на арестованных.)

Никнель (поклон, уводит Жожо и Луизу, толкая их перед собой). Марш! И заткните глотку!

Жожо. Не смей, а то — как двину!

Никнель поспешно отстраняется от нее.

Никнель и арестованные уходят.

Сцена 5-я

Фон Засс, Польверелли.

Засс. Какой беспорядок! Армия должна воевать — иначе она разлагается.

Звонок телефона.

(У аппарата). Алло! Адмирал фон Засс... Полковник Грунер? Здесь? Проводите ко мне... (Кладет трубку. Польверелли.) Полковник фон Гру-

нер... Он только что прибыл из ставки фюрера.

Зигмунд вводит Грунера и исчезает. Грунер здоровается с обоими адмиралами.

Сцена 6-я

Те же и Грунер.

Засс (оживившись). Рад вас видеть, фон Грунер! Наконец-то мы узнаем, что делается на свете. Тулон — такая дыра! Мы здесь в глуши, в тысячах километров от событий. Можете говорить свободно. Это адмирал Польверелли.

Грунер и Польверелли раскланиваются.

Какие новости, какие новости, дорогой друг? Боюсь, что не блестящие...

Грунер. К моему великому сожалению, не блестящие, адмирал.

Засс. Вот уже десять лет, как я не живу, не дышу. Мы все постарели на десять лет... Фон Паулюс, вся наша великолепная шестая армия, наши лучшие генералы! Руки и ноги холодеют, когда подумаешь... Просто не верится. Эти большевики! Капитулировать перед большевиками в открытом поле... Целая армия! Фельдмаршал, двадцать пять гене-

ралов. Случай, беспрецедентный в нашей военной истории.

Польверелли. А наш несравненный альпийский корпус? Надеюсь, он не очень пострадал?

Грунер. Да, их там осталось немало, адмирал. На этот счет можете не беспокоиться...

Польверелли. О, какое счастье!..

Грунер. Но только не у нас...

Польверелли. А где же?

Грунер. По ту сторону фронта.. У русских.

Польверелли. Мадонна, пречистая мать божья! Так, значит, большевистские сводки близки к истине?

Засс. А в районе Курска?

Грунер. С момента занятия города, то есть, с позавчерашнего дня, большевики еще продвинулись вперед.

Засс. А на Воронежском? Потери?

Грунер. Довольно ощутительные: двадцать семь тысяч пленных, несколько генералов...

Засс. Как? И здесь? Значит разгром?

Польверелли. Мадонна!

Засс. А на юге?

Грунер. Ростов под угрозой, равно,

как Харьков, Ворошиловград, Донецкий бассейн, Кубань...

Засс. Счастье изменило нам! Прорыв блокады Ленинграда, потеря майкопской нефти... Проклятые большевики! А на Центральном?

Грунер. С потерей Великих Лук — Гжатск, Ржев, Демянск повисают в воздухе, положение очень непрочное.

Засс. Но когда же они, наконец, остановятся!

Польверелли. А там... наша жемчужина — Триполи — вырвана у нас. Вся наша Ливия, наша великолепная африканская империя. А эта конференция в Касабланке! Да, счастье изменило нам!

Грунер. К счастью, остается Арним. Железный полководец. Старой германской школы. Этот не сложит оружия. Никогда! Я знаю Арнима... И африканский корпус, десятый танковый корпус. Можете быть уверены, они будут держаться до последнего человека. Тунис. Англичане обломают себе зубы о Тунис!

Польверелли. Это единственное светлое пятно!

Засс. Тунис и Бизерта в наших руках. Это позволит нам обернуться в Европе.

Грунер. И Арним не один. Там целое созвездие генералов: фон Краус, фон-Валест, Доровиц, Вебер...

Засс. Какова воля фюрера?

Грунер. Фюрер отказывается понимать, почему виновники этой скандальной истории с потоплением французского флота до сих пор остаются безнаказанными?

Польверелли. Вполне, вполне согласен.

Грунер. Я прибыл в Тулон именно с целью подогнать следствие. Эта французская сволочь, повидимому, рада всякой затяжке. Копаются, крючкотворствуют. Когда же будет конец? (Звонит.) Я им вправлю мозги. В этой проклятой стране саботаж всюду, сверху донизу. Даже Лаваль, даже Базир бессильны помочь. А ведь это целиком наши люди!

Входит Никнель.

Сцена 7-я.

Те же и Никнель.

Засс. Адмирал Базир здесь?

Никнель. Он на допросе, господин адмирал. Вместе с французскими следственными властями.

Засс. Попросите адмирала Базира.

Сцена 8-я

Те же без Никнеля.

Грунер. Фюрер требует примерного наказания. Фюреру нужны головы.

Польверелли. Хорошо сказано!

Грунер. Слишком много немцев гибнет на русском фронте. Фюрер сказал: «Если мы не заставим славян и французов нести такие же потери, Германия выйдет из войны побежденной, даже если она победит. Если же Германии суждено поражение, она обязана заботиться о создании численного превосходства над врагом, — в этом первый залог будущего реванша». Фюрер сказал также: потери врага должны уже теперь сравняться с нашими потерями. Потом будет поздно. Фюрер сказал также: террор стал необходимостью не только как средство обуздания непокорных народов, но и как гарантия будущего превосходства немецкого народа.

Польверелли. Фашистская Италия так же заинтересована в этом.

Засс. Германской нации, Грунер, германской нации нужна кровь, и она ее получит столько, сколько ей понадобится.

Стук в дверь.

Войдите!

Зигмунд вводит Базира и исчезает.

Сцена 9-я

Те же и Базир, медоточивый, вкрадчивый, испуганный.

Засс. Господин Базир, я пригласил вас, чтобы выразить вам мое крайнее недовольство, крайнее недовольство фюрера!

Базир. Адмирал, поверьте, я в отчаянии. Можете не сомневаться в моем усердии.

Засс. Мы заинтересованы в том, чтобы это пресловутое усердие привело, наконец, к положительным результатам. Вы обещали выловить всех, кто ответствен за потопление тулонского флота, равно как их соучастников и исполнителей. Мы ждем. Мое приказание: закончить следствие и назначить суд безотлагательно.

Базир. Мы горячо желаем того же, господин адмирал.

Засс. Что касается приговора, то приговор может быть только такой: если случайно попадется один невиновный, пусть его оправдают, всем остальным —

смертная казнь; приводится в исполнение немедленно. Как идет следствие?

Базир. Мы пробуем добыть кое-какие сведения у двух арестованных нами женщин. Они все еще отпираются.

Засс. У вас нет системы. Велите привести их сюда.

Базир. Госпожа Гиддинс также здесь...

Засс. Что же вы не сказали раньше?

Зигмунд появляется в дверях.

Госпожу Гиддинс и двух арестованных женщин.

Зигмунд уходит.

Базир. Мы вызвали также инспектора двадцать восемь и некую Тулемонд, здешнюю бакалейщицу. Она уверяет, что может дать важные показания.

Засс. Какие данные у вас об этой Тулемонд?

Базир. Превосходные отзывы. С первого дня на нашей стороне.

Засс. Хорошо, посмотрим.

Сцена 10-я

Те же, Алиса Гиддинс.

Польверелли (расцветает, восторженный лепет). А! Госпожа

смертная казнь; приводится в исполнение немедленно. Как идет следствие?

Базир. Мы пробуем добыть кое-какие сведения у двух арестованных нами женщин. Они все еще отпираются.

Засс. У вас нет та система. Велите привести их сюда.

Базир. Госпожа Гиддинс также здесь...

Засс. Что же вы не сказали раньше?

Зигмунд появляется в дверях.

Госпожу Гиддинс и двух арестованных женщин.

Зигмунд уходит.

Базир. Мы вызвали также инспектора двадцать восемь и некую Тулемонд, здешнюю бакалейщицу. Она уверяет, что может дать важные показания.

Засс. Какие данные у вас об этой Тулемонд?

Базир. Превосходные отзывы. С первого дня на нашей стороне.

Засс. Хорошо, посмотрим.

Сцена 10-я

Те же, Алиса Гиддинс.

Польверелли (расцветает, восторженный лепет). А! Госпожа

Алиса! Вы ослепительны сегодня! Счастливы вас видеть!

Засс (сухо). Потом, господин Польверелли, потом, прошу вас... Должен вам повторить, госпожа Гиддинс, что мы недовольны вами.

Алиса. Гестапо не может жаловаться.

Засс. Однако самая крупная рыба ушла из-под рук.

Алиса. Еще раз прошу вас, господин адмирал, принять во внимание, что развязка в тот день, двадцать седьмого ноября, наступила быстро и неожиданно, так что я не могла...

Засс. Госпожа Гиддинс, вы можете не делиться с нами своими политическими и тактическими соображениями.

Зигмунд осторожно вводит Жожо и Луизу.

Они попрежнему в ручных кандалах.

Сцена 11-я

Те же, Луиза, Жожо.

Жожо. Долго нас будут таскать? Кажется, везде уже побывали.

Базир. Молчать!

Жожо. Сам заткнись, шкура! Немецкий лакей! (Замечает Алису.) А-а,

смертная казнь; приводится в исполнение немедленно. Как идет следствие?

Базир. Мы пробуем добыть кое-какие сведения у двух арестованных нами женщин. Они все еще отпираются.

Засс. У вас нет асистема. Велите привести их сюда.

Базир. Госпожа Гиддинс также здесь...

Засс. Что же вы не сказали раньше?

Зигмунд появляется в дверях.

Госпожу Гиддинс и двух арестованных женщин.

Зигмунд уходит.

Базир. Мы вызвали также инспектора двадцать восемь и некую Тулемонд, здешнюю бакалейщицу. Она уверяет, что может дать важные показания.

Засс. Какие данные у вас об этой Тулемонд?

Базир. Превосходные отзывы. С первого дня на нашей стороне.

Засс. Хорошо, посмотрим.

Сцена 10-я

Те же, Алиса Гиддинс.

Польверелли (расцветает, босторженный лепет). А! Госпожа

Алиса! Вы ослепительны сегодня! Счастливы вас видеть!

Засс (сухо). Потом, господин Польверелли, потом, прошу вас... Должен вам повторить, госпожа Гиддинс, что мы недовольны вами.

Алиса. Гестапо не может жаловаться.

Засс. Однако самая крупная рыба ушла из-под рук.

Алиса. Еще раз прошу вас, господин адмирал, принять во внимание, что развязка в тот день, двадцать седьмого ноября, наступила быстро и неожиданно, так что я не могла...

Засс. Госпожа Гиддинс, вы можете не делиться с нами своими политическими и тактическими соображениями.

Зигмунд осторожно вводит Жожо и Луизу.

Они попрежнему в ручных кандалах.

Сцена 11-я

Те же, Луиза, Жожо.

Жожо. Долго нас будут таскать? Кажется, везде уже побывали.

Базир. Молчать!

Жожо. Сам заткнись, шкура! Немецкий лакей! (Замечает Алису.) А-а,

Алиса! Вы ослепительны сегодня! Счастлив вас видеть!

Засс (с у х о). Потом, господин Польверелли, потом, прошу вас... Должен вам повторить, госпожа Гиддинс, что мы недовольны вами.

Алиса. Гестапо не может жаловаться.

Засс. Однако самая крупная рыба ушла из-под рук.

Алиса. Еще раз прошу вас, господин адмирал, принять во внимание, что развязка в тот день, двадцать седьмого ноября, наступила быстро и неожиданно, так что я не могла...

Засс. Госпожа Гиддинс, вы можете не делиться с нами своими политическими и тактическими соображениями.

Зигмунд осторожно вводит Ж о ж о и Луизу.

Они попрежнему в ручных кандалах.

Сцена 11-я

Те же, Луиза, Жожо.

Жожо. Долго нас будут таскать? Кажется, везде уже побывали.

Базир. Молчать!

Жожо. Сам заткнись, шкура! Немецкий лакей! (Замечает Алису.) А-а,

вот она где! (Торжествующе.) Я давно уже догадывалась, что она такое.. (Алисе.) Всем говорила, что ты просто шпионка у фрицев. Сука!

Алиса смотрит на нее с непроницаемой улыбкой.

Засс. Пусть вас не смущает присутствие госпожи Гиддинс, уважаемая. Все равно вы уже не выйдете из наших рук.. Прошу отвечать на вопросы. Госпожа Гиддинс, будьте добры вести протокол. Алиса садится за стол спиной к публике и стенографирует.

(Жожо.) Начнем с вас, сударыня. Лейтенант Марсиаль де Фромануар скрылся. Где находится лейтенант де Фромануар?

Жожо. Думаешь, так я тебе и скажу? Если бы и знала, не сказала бы... Адмирал тоже... Живо дер!

Засс (Луизе). А вы, сударыня, будете отвечать? Еще раз советую взвесить возможные последствия вашего поведения.

Луиза. За кого вы нас принимаете?

Базир. Разрешите, адмирал... Луиза Бастиа! Был ли вам знаком (заглядывает в список) кабатчик Кокбэр?

Луиза отрицательно качает головой.

Значит, вы не знали владельца бара, Кокбэра? А его жену, Леокади Кокбэр?

Луиза — та же игра.

Надеюсь, что с нашей помощью вы вспомните! (Зассу.) Разрешите вызвать свидетельницу Тулемонд и инспектора двадцать восемь.

Засс соглашается, Базир идет к двери, открывает ее и возвращается на место.

Засс (Жожо и Луизе). Уважаемые дамы! Я сказал, что вы ни в коем случае не ускользнете из наших рук. Но ответы могут еще изменить вашу судьбу, весьма резко изменить... к лучшему...

Луиза. Можно себе представить, что вы называете лучшим! Спасибо за угощение.

Жожо. Ты что думаешь? Я не знаю, сколько несчастных девчонок вы загнали в ваши помойные ямы... развлекать бошей!.. Это, что ли, ты нам предлагаешь, бандит? Лучше живой в гроб!

Засс. Ваше желание не так трудно исполнить (загадочно), но во всяком случае — не сейчас... Еще не сейчас.

Вводят госпожу Тулемонд, ее мужа Камилля, вслед за ними входит инспектор.

вот она где! (Торжествующе.) Я давно уже догадывалась, что она такое... (Алисе.) Всем говорила, что ты просто шпионка у фрицев. Сука!

Алиса смотрит на нее с непроницаемой улыбкой.

Засс. Пусть вас не смущает присутствие госпожи Гиддинс, уважаемая. Все равно вы уже не выйдете из наших рук... Прошу отвечать на вопросы. Госпожа Гиддинс, будьте добры вести протокол. Алиса садится за стол спиной к публике и стенографирует.

(Жожо.) Начнем с вас, сударыня. Лейтенант Марсиаль де Фромануар скрылся. Где находится лейтенант де Фромануар?

Жожо. Думаешь, так я тебе и скажу? Если бы и знала, не сказала бы... Адмирал тоже... Живо дер!

Засс (Луизе). А вы, сударыня, будете отвечать? Еще раз советую взвесить возможные последствия вашего поведения.

Луиза. За кого вы нас принимаете?

Базир. Разрешите, адмирал... Луиза Бастиа! Был ли вам знаком (заглядывает в список) кабатчик Кокбэр?

Луиза отрицательно качает головой.

Значит, вы не знали владельца бара, Кокбэра? А его жену, Леокади Кокбэр?

Луиза — та же игра.

Надеюсь, что с нашей помощью вы вспомните! (З а с с у.) Разрешите вызвать свидетельницу Тулемонд и инспектора двадцать восемь.

Засс соглашается, Базир идет к двери, открывает ее и возвращается на место.

Засс (Ж о ж о и Луизе). Уважаемые дамы! Я сказал, что вы ни в коем случае не ускользнете из наших рук. Но ответы могут еще изменить вашу судьбу, весьма резко изменить... к лучшему...

Луиза. Можно себе представить, что вы называете лучшим! Спасибо за угощение.

Жожо. Ты что думаешь? Я не знаю, сколько несчастных девчонок вы загнали в ваши помойные ямы... развлекать бошей!.. Это, что ли, ты нам предлагаешь, бандит? Лучше живой в гроб!

Засс. Ваше желание не так трудно исполнить (загадочно), но во всяком случае — не сейчас... Еще не сейчас.

Вводят госпожу Тулемонд, ее мужа Камилля, вслед за ними входит инспектор.

Сцена 12-я

Те же, супруги Тулемонд, инспектор. Инспектор — в котелке, с зонтиком, скромно проходит в угол комнаты и садится.

Госпожа Тулемонд (врывается, как вихрь). Ах, наконец-то! Наконец-то я могу увидеть господ немцев! Поговорить с господами немцами! (Мужу.) Что же ты, Камиль, вошел или нет?.. Господа, я хочу сделать заявление, хочу осветить положение, но меня не слушают, меня водят за нос. Почему? Я верный слуга маршала Петэна и господина Лавая! Я являюсь членом ассоциации петэновских женщин, а мой муж Камиль — член Петэновского легиона. Он даже собирается вступить в легионерскую гвардию. (Мужу.) Не горбиться, Камиль! Ну!.. Мы с Камилем, мы — французы. Мы поняли свой долг перед господином Гитлером. О, господин Гитлер — этот великий француз! То-есть, нет, я хочу сказать... этот великий друг Франции! (Вытаскивает из сумки бумажник, набитый документами.) Вот наши бумаги, наши документы. Здесь все сказано насчет нашей верности маршалу Петэну и господину Гит-

леру... Но позвольте, позвольте, с кем я могу говорить?

Засс. Сударыня, будьте добры обратите ваше внимание на этих женщин — знакомы они вам?

Госпожа Тулемонд (всматриваясь). Кажется, я видела... вот эту (на Луизу) один раз в баре некоего коммуниста, плутократа, по фамилии Кокбэр.

Базир. Так. Но если вы посещали бар Кокбэра...

Госпожа Тулемонд. Посещала — это слишком сильно, сказано. Вряд ли я могу посещать людей, стоящих ниже меня.

Базир. Однако вы там были, как вы сами изволили сказать.

Госпожа Тулемонд. Один раз, мимоходом. Вполне возможно, что я видела вот эту (на Луизу.) Но об ней не стоит говорить. Так, обыкновенная женщина... Но вот там была другая, беженка с севера, из Арденн... учительница, вот это опасный элемент! Террористка!..

Алиса поворачивает голову. госпожа Тулемонд замирает. Торжествующий вопль.

Смотрите, вот она! Эта самая! Она здесь!

Попалась! Два месяца ищу ее по всему городу. И вдруг — оказывается, она здесь, у вас!

Засс (холодно). Вы себя потревожили именно с целью разоблачить эту даму? Так я вас понял, госпожа Пэдемонд?

Госпожа Тулемонд. Да, господин офицер, именно. Впрочем, меня зовут не Пэдемонд, а Тулемонд. Эта женщина, господин офицер, в моем личном присутствии произносила такие крайне антифранцузские и крайне антинемецкие речи, что я сочла своим долгом...

Засс (вынимает из кармана кредитку). Госпожа Пэдемонд! Мы выражаем вам благодарность за ценное разоблачение. Не преминем воспользоваться им... Вот в возмещение всех ваших трудов...

Госпожа Тулемонд (вспыхивает). Что? Что я слышу? Меня называют Пэдемонд, мне предлагают деньги... (Бросает взгляд на кредитку.) Мне, явившейся сюда выполнить долг французской патриотки! (Мужу.) «За мной, компаньон!» Добродетель всегда остается непризнанной. (Быстро идет к вы-

ходу и за ней, как на буксире, ее муж.)

Засс. Как вам будет угодно, сударыня!

Госпожа Тулемонд (спохватывается и подбегает к нему). Вы говорите, сто франков? Что ж, я возьму их, господин офицер. (Снисходительно.) Я раздам их бедным... (Берет деньги, раскланивается и идет к выходу.)

Камиль (отдает по-фашистски честь своей супруге, вытягивается на своих коротеньких ножках. Пискливым голоском). Франция — прежде всего!

Госпожа Тулемонд. Молчи, идиот! (Уходят.)

Сцена 13-я

Засс, Польверелли, Грунер, Базир, инспектор, Алиса, Жожо, Луиза.

Засс (с насмешкой Базиру). Это и есть ваш главный свидетель? Поздравляю! (Резко.) Займемся делом. Инспектор, вы узнаете этих женщин? Они принимали участие в мятеже. Какая из двух была активнее?

Инспектор медленно поднимает руку и зонтиком указывает на Луизу. Потом, пожав плечами, —
на Жожо.

Эта (на Луизу) была связана с рабочими Арсенала? А эта, я полагаю, с юными подонками города Тулона?

Инспектор соглашается.

(Обращаясь к Луизе.) Мы разыскиваем Марсиаля де Фромануара, далее... (берет из рук Базира список и пробегает его глазами) двух матросов — Ива Легуаль, Жюло Эскартефиг, лицеиста Роже Гастино, двух рабочих Арсенала: одного по прозвищу Жежен...

Луиза. Можете не продолжать, я не знаю ни одного из этих имен.

Базир. А вы, девица Жоржетта?

Жожо. Повежливей ты не можешь? Я ведь не говорю, что ты рогатый или еще как-нибудь... А ведь харя у тебя такая, что...

Засс. Довольно! (Алисе.) Госпожа Алиса!

Алиса встает и хочет схватить Жожо.

Жожо (отбиваясь). О, если бы у

меня руки были свободны, показала бы я этой прусской жабе!

Алиса грубо, привычным жестом истязательницы тащит Жожо туда, где ширма.

Засс (Луизе). Слушайте внимательно, Луиза Бастиа! Может, это вас надоумит. Пока еще не поздно.

Польверелли (отворачивается). Мне всегда это действовало на нервы...

Луиза (бросается к Жожо). Вы не посмеете!.. Жожо! Милая! Негодяи!

Засс (грубо останавливает Луизу, сдавливая ей плечо). Не торопитесь, сударыня, дойдет и до вас очередь.

Жожо (Алисе). Пусти!

Засс (громким голосом). Девица Жожо, в последний раз! Будете отвечать?

Жожо. Дерьмо!

Засс (громко). Мадам Алиса!

Алиса, не дожидаясь больше, тащит свою жертву за ширму.

Луиза. Дойдет и до вас очередь! Да здравствует Франция!

Голос Жожо. Да здравствует Франция!.. Мерзавцы!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ущелье в южных горах. Светит луна. Картина может быть сыграна на просцениуме.

Сцена I-я

Инспектор, Жежен.

Инспектор медленно входит, с зонтиком. Останавливается. Втягивает в себя воздух, трижды кричит перепелом. Из-за скалы показывается Жежен с автоматом, пистолетом, в каске, — направляет оружие на вновь пришедшего.

Жежен (осветив со своего места инспектора электрическим фонарем). Эге! Чорт возьми! Да это наш жеребчик! (Шопотом.) Руки вверх!

Тот повинуется.

Подойди ближе!

Тот приближается.

Ты тут зачем, падаль?

Инспектор (шопотом). Мне нужен командир.

Жежен (недоверчиво). Командир? Зачем он тебе? Что ты можешь сказать командиру?

Инспектор молчит, рук не опускает.

Лулу! Ее надо было знать! Самая нежная, самая храбрая, самая самоотверженная, самая верная! Золотое сердечко, с головы до ног красotka, но к тому же еще самый чистый и прямой товарищ! Живая, как котенок, нежная, как голубка, поглядит на вас черными своими глазами,—и вы уже сгорели, улыбнется,—и перевернет вас всего, а уж в глубине этих бархатных глаз такая рассудительность, подстать самому образованному человеку... Мы были счастливы! Мы любили друг друга! И работами от всей души, она и я, рядом с товарищами, и все ее ценили, все ее уважали. И вот является этот слизняк,—и все к чорту! Нет моей Лулу! Является слизняк,—и я один на всем белом свете!

Жежен. По всей Франции расползлись слизняки!

Жюло. И у вас, командир, была сестра Мари-Жанна!

Марсиаль. И отец был. И я теперь один на свете.

Жежен. Он нам еще не объяснил, зачем явился сюда.

Патрис. Пока он связан, я не могу плюнуть ему в морду. Командир! Дайте

я развяжу его, пусть ищейка почувствует, сколько весит кулак металлиста.

Марсиаль (инспектору). Так вы и не объясните нам, что означает ваш странный ход?

Инспектор кивком головы выражает согласие. Развяжите его.

Патрис выполняет приказание.

Патрис. Ну, вот ты и на свободе. Поглядим, осталось ли что-нибудь человеческое в этой падали.

Инспектор неподвижен.

Не хочется ли тебе подраться, трус? А ну, давай! (Дает ему пощечину.) Будешь ты защищаться?

Инспектор покачнулся, но ничего не отвечает. Значит, мало еще? (Опять пощечина.)

Инспектор. Не стоит продолжать. Я не буду драться, Не затем я пришел, чтобы драться с вами.

Жюло. Зачем же ты пришел?

Инспектор. Я был под Верденом. Вот мой военный орден... и солдатская медаль... вся замаранная... Так же, как и я

сам! (Срывает ленточки с лацкана пиджака и бросает их на землю.) Им не место на моей груди. В те времена я был человеком. А потом я поверил в Петэна. Петэн — это ловушка, и мы в нее попались! Знаменитая ловушка! Патентованная! Теперь этому конец! Мне все стало ясно! Слишком поздно!.. Тем хуже!.. Я мог бы действовать с вами! Десять лет нашего брата тренировали в подлости. Сегодня я пришел сюда!.. Еще минута!.. и!.. (вынимает из кармана шприц) это уже не морфий!.. Гораздо лучше!

Патрис (бросается к нему). А, нет, так просто ты не увильнешь.

Жежен (также подбегает к инспектору). Слишком легко хочешь отделаться!

Инспектор (быстрым движением делает себе укол). Нет, тут уж я не опоздаю, Патрис! (Задыхается.) Надо бы вам еще сказать!.. Кричать перепелкой!.. в такое время года!.. пожалуй, глупо! (Умирает.)

Жюло. Даже он!

Марсиаль. Даже это подобие человека!..

Патрис. Этот выродок...

Марсиаль. Даже такому выродку стало неважно дышать воздухом, которым дышит Франция!

Жежен. Он был отравлен предательством.

Патрис. И кончил бегством, как полагается этим подлецам.

Жюло. Они и в смерти ищут бегства.

Жежен. Это легче, чем бороться.

Патрис (беззлобно). По правде сказать, — вы только не обижайтесь, командир, он поступил, как ваш отец.

Марсиаль (отрываясь от своих мыслей). Я как раз думал о том же. Но, как ни велика ошибка моего отца, он ее искупил.

Патрис (трогая ногой труп инспектора). А эти — живые или мертвые — только пачкают землю.

З а н а в е с .

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же декорация, что и в предыдущей картине. Рассвет. Понемногу различаешь то, что мог только подозревать ночью (либо вовсе не видел, если вторая картина сыграна перед занавесом); крутой поворот горной дороги. Вдали, в боль-

Марсиаль. Ну, и хватит!

Кокбэр. Есть еще одна особа, которая ждет того же. Зовут ее Тулемонд.

Польверелли. Но вы же не поставите меня на одну доску со всеми ими. Окажите мне эту справедливость: итальянцы никогда не вели себя так, как вели немцы!

Марсиаль. Конечно же, итальянцев мы с вами не спутаем, господин Польверелли! Они вас ненавидят. Но вы правы, утверждая, что не вели себя так, как вели себя гитлеровцы. Поэтому, с вами покончим отдельно — согласно вашему желанию, как с шакалом. (Обращается к своим.) Расстреляйте этого господина в спину, так же, как они начали на Францию.

Жюло (радостно). Слушаю, командир!

Польверелли (в бешенстве). Вы за это ответите! Мерзавцы! На войне так не поступают!

Патрис. Так поступают на войне, которую вы навязали всему миру.

Ив. Узнайте ее! Сегодня она коснется и вас.

Засс. Итак, сударь, вы просто убийца.

Марсиаль. Мы — судьи.

Засс. Замарать мундир морского офицера в этом сборище негодяев. Странное отношение к имени, которое вы носите, господин Фромануар!

Марсиаль (горячо). Вот как вы осмеливаетесь разговаривать! Вы, немецкий офицер, напяливший поверх мундира передник живодера.

Патрис. Продолжайте, командир! Выложите ему все, что накипело у нас на сердце!

Жюло. Напомните ему о несчастных расстрелянных заложниках!

Жежен. Напомните ему о замученных у них в тюрьмах!

Ив. О мирных гражданах, подстреленных на дорогах...

Жюло. О кораблях, потопленных в открытом море, вместе с женщинами и детьми...

Ив. О городах, разрушенных бомбежкой.

Патрис. О французском рабочем, ставшем в Германии рабом в наручниках.

Кокбэр. О евреях, которых гонят, как скотину...

Жюле. О наших несчастных военно-

Марсиаль. Ну, и хватит!

Кокбэр. Есть еще одна особа, которая ждет того же. Зовут ее Тулемонд.

Польверелли. Но вы же не поставите меня на одну доску со всеми ими. Окажите мне эту справедливость: итальянцы никогда не вели себя так, как вели немцы!

Марсиаль. Конечно же, итальянцев мы с вами не спутаем, господин Польверелли! Они вас ненавидят. Но вы правы, утверждая, что не вели себя так, как вели себя гитлеровцы. Поэтому с вами покончим отдельно — согласно вашему желанию, как с шакалом. (Обращается к своим.) Расстреляйте этого господина в спину, так же, как они напали на Францию.

Жюло (радостно). Слушаю, командир!

Польверелли (в бешенстве). Вы за это ответите! Мерзавцы! На войне так не поступают!

Патрис. Так поступают на войне, которую вы навязали всему миру.

Ив. Узнайте ее! Сегодня она коснется и вас.

Засс. Итак, сударь, вы просто убийца.

Марсиаль. Мы — судьи.

Засс. Замарать мундир морского офицера в этом собрании негодяев. Странное отношение к имени, которое вы носите, господин Фромануар!

Марсиаль (горячо). Вот как вы осмеливаетесь разговаривать! Вы, немецкий офицер, напяливший поверх мундира передник живодера.

Патрис. Продолжайте, командир! Выложите ему все, что накипело у нас на сердце!

Жюло. Напомните ему о несчастных расстрелянных заложниках!

Жежен. Напомните ему о замученных у них в тюрьмах!

Ив. О мирных гражданах, подстреленных на дорогах...

Жюло. О кораблях, потопленных в открытом море, вместе с женщинами и детьми...

Ив. О городах, разрушенных бомбежкой.

Патрис. О французском рабочем, ставшем в Германии рабом в наручниках.

Кокбэр. О евреях, которых гонят, как скотину...

Жюло. О наших несчастных военно-

пленных, которых они заражают туберкулезом и потом присылают назад еле живыми...

Ив. Обо всей нашей разрушенной, изглоданной до костей стране...

Леокади. Напомните ему про наших детишек... ведь умирают, потому что ничего не осталось...

Солдат. Как они унижали нас, как оскорбляли!

Роже. А что они делали себе на потеху с нашими девушками, командир...

Марсиаль. Вы еще осмеливаетесь звать к моему мундиру! Старая уловка! Двум вещам мы научились. Первое: ненавидеть вас. Второе: драться с вами. Первое уже сделано, не за горами и второе.

Патрис. Мы выучили свой урок!

Солдат. Основательно выучили!

Марсиаль. Ненависть! Было время, мы ее побеждали. Вы возвращали ее с любовью. Теперь она сама обратилась против вас и хватает вас за горло. Конечно, вам хочется заковать ее, загнать обратно! Слишком поздно, господин адмирал! Слишком поздно, господин председатель военного трибунала! Мы поняли все. По-

сколько надо действовать, что ж! Решение принято: засучиваем рукава и действуем!

Патрис. Это еще только начало!

Жюло. Поживи немного, увидишь кое-что еще!

Ив. Сам ставил капкан, сам и попался!

Жежен. Скоро поменяемся с вами местами!

Засс. Долго ли нам терпеть оскорбления этих негодяев?

Жюло. Сам ты негодяй!

Патрис (Жюло). Пускай разговаривает командир.

Марсиаль. Если бы у вас была только первобытная грубость! Вам мало погружаться в окончательную низость, вы еще при этом напяливаете на морду маску цивилизованных существ, маску ученых, философов, маску инженерии и геополитики...

Жежен (хохочет). Геополитики! Вот это в точку!

Марсиаль. Вы притворяетесь даже, прости мне, боже, что любите нашу страну, наши нравы, вы восхваляете грацию наших женщин, выставляете напоказ фотографии своих карапузиков и фрау, вам

хочется, чтобы с вами нежничали, пускали слюни...

Жюло. Совершенная истина!

Леокади. Откуда все это берется у такого мальчишки? Говорит, как золотая книга!

Марсиаль. Извращенность, садизм, канжество, верх гнусности — вот что вы собою представляете.

Жежен. Геополицейский!

Засс. Мне все же хоте...

Марсиаль. Молчать! Молчать, господин фон Засс! Молчать, гитлеровская собака! Довольствуйтесь тем, что умрете молча, и не дразните нас больше!

Фон Засс что-то ворчит.

Остается самый, бесчестный. Остается гиена. Вы, господин Базир!

Базир (стучит зубами). За меня отомстят!

Марсиаль. Вы так злобствуете и так сгрусили, что на вас гадко смотреть, господин Базир. Случайно вы уцелели во время взрыва, а отцу моему он стоил жизни. Благородный человек погиб, а Базир остался. Мы благоприятного случая уж не упустим! Нам нужен залож-

ник. Мы вас увезем кое-куда, господин Базир. Как только Виши или гестапо первому из нашей среды причинят неприятность, ответите вы, господин Базир!

Базир (в оспрянул). Вы меня не расстреляете? Я оставлен в живых?

Жежен. Если ты называешь это жизнью, немного же тебе требуется. Наслаждайся!

Ив. Простая отсрочка.

Марсиаль. И это убожество говорит на нашем языке! Уведите их, товарищи. И кончайте в пять минут. Утро в разгаре. У нас мало времени.

Зигфрид. Французский камрад, я иметь много деньги. Дай поделим, стреляй воздух.

Зигмунд. Камрад, друг, я любить глубоко Франция, я хотеть быть француз, когда война конец.

Жежен. Слыхали, что он поет!

Жюло. Еще хватает наглости!

Зигфрид (ползая на коленях). Пожалуйста! Пощади! Камрад!

Зигмунд (на коленях). Я иметь жена, малышки, смотри фото...

Засс (громовым голосом). Как позор! Немецкий солдат! Встать!

Зигфрид (на коленях, рыдая). Да здравствует Франция, камрад!

Засс (бьет Зигфрида сапогом в лицо). Подлец!

Жежен. Ловко! Геополитик взялся за воспитание!

Марсиаль. Именно так все немцы перегрызутся друг с другом после своего поражения. Увести их!

Солдат. Всегда говорил, что это не люди... Это выродки!

Оба немецких солдата испуганно жмутся друг к другу.

Польверелли (отбрыкиваясь). Нет! Нет! Меня нельзя убивать, как тех!

Ив. Эй, ребята! Унесем его!

Грунер (уходя, презрительно и спокойно обращается к фон Зассу). А теперь, господин адмирал, — боже, спаси Германию!

Уходят. Польверелли уносят уже полумертвого от страха.

Сцена 2-я

Марсиаль, Леокади, Роже, Базир, Алиса, в глубине часовые.

Алиса. Долго вы еще меня тут будете морить?

Марсиаль. Стерегите Базира, Леокади. Я сейчас вернусь.

Алиса (Марсиалю). Из нас двоих, бьюсь об заклад, вы бледнее.

Марсиаль. Потому что вы сильно нарумянены. Если стереть румяна, наружу выступит ужас.

Оба уходят.

Сцена 3-я

Леокади, Бафир, Роже.

Леокади. Вот несчастье! Такая хорошенькая!

Роже (растерянно). Госпожа Леокади! Госпожа Кокбэр! Крепче сожмите мне руку, а то я чего доброго побегу еще туда и буду просить, чтобы он подарил ей жизнь. Такая красивая!

Леокади. Слышал, что Марсиаль сказал о ее румянах? Ведь она замучила и твою Жожо!

Ружейный залп. И затем более короткий и сухой револьверный выстрел. Вольные стрелки возвращаются.

Роже (бледнее). Кончено. Ох, ты! (Прислонился к дереву.)

Сцена 4-я

Марсиаль, Патрис, Жюло, Жежен,
Ив, Кокбэр, Леокади, Роже, солдат,
Базир.

Жежен. Ф-фу! Мать, глоток водки,
пожалуйста! Вся кровь у меня спеклась.

Ив. Не привыкли мы еще к таким де-
лам.

Патрис. Надо!

Жюло. Но неприятно...

Жежен. Если бы еще раз пришлось...

Ив (наступая). Ну и что?..

Жежен. Я повторил бы!

Марсиаль. Действуйте! Чем неприятнее,
тем нужнее...

Роже. Поглядите на командира. Он
бел, как стена.

Солдат. Ты бы на себя поглядел, маль-
чишка! (Протягивает ему ма-
ленькое карманное зеркальце.)

Жежен. Забыл ты, что ли, свою Жо-
жо? Некрасиво, парень!

Леокади. Подставляйте кружки, дру-
зья.

Все, кроме Базира, протягивают к ней кружки.
Она разливает.

Роже (возвращает зеркальце

солдату). Надеюсь, что этого со мной больше не случится. Спасибо.

Патрис. В таких делах, как наши, запомни одну вещь, паренек. Либо женщина такая, либо она совсем другая. Либо это потрясающая подруга, и тогда — смелей, малыш, поведет она тебя прямой дороженькой, и всегда кое-что увидит яснее тебя. Либо это грязная девка. Тут берегись. Слишком заглядываться на ее оснастку! Раздави ее ногой — и марш в другую сторону!

Жюло. И чем она завлекательнее, тем быстрее действуй!

Патрис. Иначе тебе крышка!

Роже. Ясно!

Марсиаль. Любите вы путешествия, Базир? С нами вам придется сделать очаровательное. Ничего нет приятнее, чем горы зимой. И ничего нет живописнее, чем адмирал в ледниках в Верхней Савойе. Там десять тысяч храбрецов вокруг генерала Картье — это французы, Базир! Уже два месяца они удерживают пустынное плато. Сомневаюсь, чтобы ваши друзья явились из Виши за вами.

Солдат. А теперь живо туда, где не пахнет бошами!

Базир (скрипит зубами). Победа еще не ваша.

Марсиаль. Точно. Зато поражение ваше.

Кокбэр (поднимает свою кружку). Ребята!

За исключением Базира, все поднимают кружки и, глядя друг друг в глаза, начинают под сурдинку вторить запевале, поющему «Прощальную песню». Когда занавес закрывается, хор разрастается и звучит со всех сторон.

З а н а в е с

К О Н Е Ц

ВОЛОГДИН

[56]

5 руб.

